

СТЕКЛО и КЕДР

18+

Виктория Лапина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Лапина

Стекло и кедр

«Автор»

2026

Лапина В. В.

Стекло и кедр / В. В. Лапина — «Автор», 2026

Какие проблемы могут быть у студентки? Несданный зачёт? Конечно, проблема. Но у Дины в последнее время их навалилось слишком много. Мать исчезает без объяснений. Отец, кроме бутылки, ничего не видит. Единственная подруга слушает вполуха. А внутри — тайна, о которой Дина не может рассказать никому. Она уезжает в деревню, надеясь хотя бы ненадолго забыть обо всём. Но прошлое не отпускает. Вопросов становится только больше, а загадочный Ник знает о ней то, чего не знает даже она сама. И тогда в её жизни появляется Марк — отец новой подруги. Спокойный. Собранный. От него пахнет кедром. Он оказывается рядом именно в тот момент, когда становится по-настоящему страшно. Поможет ли он выбраться из темноты? Или не каждый, кто протягивает руку, ведёт к свету. Стекло кажется хрупким. Кедр кажется вечным. Но жизнь редко подчиняется тому, что кажется. Роман о непрожитой травме, которая притягивает новую боль. И о том, что спровоцировать насилие невозможно — виноват всегда тот, кто его совершил.

© Лапина В. В., 2026

© Автор, 2026

Виктория Лапина

Стекло и кедр

Глава 1

ВНИМАНИЕ! ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ 18+

Данное произведение является художественным вымыслом. Автор категорически не поощряет, не оправдывает и не пропагандирует насилие в любом его проявлении, жестокость, употребление алкоголя, табака, психоактивных или лекарственных веществ, а также самоповреждение.

Книга содержит описание триггерных тем:

- Физическое и сексуализированное насилие (сцены абьюза, нападения и принуждения);
- Домашнее и психологическое насилие, семейный алкоголизм;
- Суицидальные мысли, описания эмоциональных травм и самоповреждения;
- Употребление алкоголя и табака;
- Использование ненормативной лексики.

Алкоголь и табак вредят вашему здоровью.

ОТ АВТОРА

Все персонажи, имена, события и локации, описанные в данной книге, являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, живущими или жившими, а также реальными событиями — случайны.

Данная книга является художественным произведением и не служит пособием по психологической помощи или самолечению. Если вы или ваши близкие находитесь в трудной жизненной ситуации, испытываете эмоциональное или физическое насилие, автор настоятельно рекомендует не руководствоваться сюжетом книги, а обратиться за профессиональной помощью.

Службы помощи:

- Единый телефон доверия (круглосуточно, бесплатно, анонимно): 8-800-2000-122
- Всероссийская горячая линия психологической помощи: 8-800-200-47-03
- Помощь пострадавшим от домашнего насилия: центр «Насилию.нет» — 8-495-916-30-00
- Экстренные службы: 112 или 102 (полиция)

Вы не одиноки, и помощь всегда рядом.

Тем, кто чувствует себя стеклом.

Эта книга посвящается девушкам, пережившим травму, абьюзивные отношения, проблемы с доверием в семье; тем, кто чувствует себя одинокими и ненужными; тем, кого научили считать себя грязными и постыдными, — тем, кто потерял опору и веру в себя из-за событий, которые они не выбирали.

Тем, кто пытается заглушить боль: пустоту внутри не залить алкоголем, сигаретами и случайными связями. Она от этого только растёт.

Помните: вы не виноваты. Виноват всегда тот, кто причинил боль. Адекватного человека невозможно спровоцировать на насилие — ни на физическое, ни на сексуальное, ни на психологическое. Одни ломают грубо и сразу, другие — медленно, годами, доводя до края крыши. И только они несут ответственность за то, что сделали.

Я не считаю мужчин злом. Хороших людей много — и среди мужчин, и среди женщин. Но есть те, кто позволяет себе ломать другого, и оправдания им нет.

Вы не обязаны тащить это на себе. То, что с вами случилось, — не кара, не судьба и не то, что вы заслужили. Когда один человек нарушает свободу другого и причиняет ему вред — это не отношения и не характер, это нарушение закона.

Об этом нужно говорить. Не молчать, не глотать, не носить в себе. Если не с психологом — то хотя бы с тем, кто точно поймёт.

А если сегодня вы не готовы сказать — наступит день, когда сможете.

Где реальность слилась со снами

Где реальность
Слилась со снами,
Я читаю мантру —
Как заклятие:
«Демон, уходи!
Я разбита,
Разрушена,
Опустошена.
Моя сила выпита тобой, как вино,
До дна.

Ты сверкал на меня глазами,
Скалился, будто в игре,
Притворялся моими мечтами —
Чтоб держать меня в той петле.

Я ненавижу тебя всей душой!
Прошу, верни мне покой!
У меня нет сил вставать.
Ты отобрал всё.
Нечем угрожать.
Я разбита.

Пишу я на стекле вином:
«Демон, уходи!
Не жду тебя ночью,
Не жду тебя днём».
Демон ушел.
Демон, веришь,
Я в панике!
Не знаю, куда деваться,
Метаюсь, словно загнанный зверёк.
Не может всё так хорошо кончаться!
Вот я жива, и мне легко.
И в отражении моем — пусто.
И кровь мою больше не пьют.
Не чувствую себя в ловушке.
Я чувствую себя живой!
Однако...

Но я без демона не полноценна.
Ночами я теперь без сна.
Кричу в подушку, будто умираю.
Без демона горит моя душа.

Где реальность слилась со снами,
А безумие — с дикой любовью...
Я читаю мантру или заклятие:
«Демон, вернись!
Без тебя мне слишком спокойно?»

Демон не вернётся.
Я — не пустота.
Моя сила — не вино,
А несломленная высота.
Я выхожу из снов —
В реальность.
Без боли.
Без твоей власти!

Предисловие

Сообщение пришло в час ночи.

«Нам нужно расстаться. Спасибо за всё. Прощай».

Я смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться. Никаких объяснений, никаких «прости». Только холодный, сухой текст, который одним движением отрезал всё, что было.

Я заварила чай, но так и не притронулась к чашке.

На столе лежали таблетки, которые выписал врач, когда я сказала, что почти не сплю. Я приняла одну. Потом ещё одну.

Я уже не понимала, зачем это делаю.

Сознание начало мутнеть. Комната поплыла перед глазами, стены потеряли привычные очертания, а звуки стали глухими и далёкими.

Я попыталась встать.

Дальше память рассыпалась.

А потом я оказалась на крыше.

Не помню, как туда попала.

Солнце клонилось к горизонту. Закат догорал оранжевым — цветом тревоги и выжженной земли. Город внизу казался мёртвым. Пустые улицы, застывшие дома, тёмные окна.

Ни звука.

Только ветер.

Я стояла у края и смотрела вниз.

Иногда мне казалось, что моя жизнь сломалась не в один момент. Она рассыпалась постепенно. Сначала исчезало одно, потом другое. Люди, которым я верила. Вещи, которые когда-то делали меня счастливой. Воспоминания, которые теперь причиняли боль.

Я пыталась собирать себя обратно, но каждый раз не хватало какого-нибудь кусочка.

А потом появился он.

Он всегда находил то, что было мне дорого, и разрушал. Людей, воспоминания, надежды. Всё, к чему я пыталась привязаться, рано или поздно оказывалось в его руках.

А я позволяла ему это.

Каждый раз.

— Видишь? — прошептал голос.

Я обернулась.

Никого.

— Всё равно ничего не изменится.

Я зажмурилась.

— Хватит.

— Куда ты пойдёшь?

Его голос был совсем рядом. Спокойный, почти ласковый.

— Убирайся.

Он тихо рассмеялся.

— Мы расстаёмся, а без меня ты никто.

Я ничего не ответила.

— Ты никому не нужна.

Я сжала пальцы.

— Прекрати.

— Что ты есть? Что тебя нет?

— Замолчи.

— Неудачница.

Я открыла глаза.

Город расплывался передо мной. Ветер бил в лицо, забирался под одежду, трепал волосы.

Я смотрела вниз и думала о том, сколько всего уже было потеряно. Сколько раз я говорила себе, что справлюсь. Сколько раз начинала сначала. И сколько раз всё снова рушилось.

Я устала.

Но где-то внутри всё ещё оставалось что-то маленькое и упрямое, что не хотело сдаваться.

Я не могла позволить ему уничтожить меня не только морально, но и физически. Я должна была что-то сделать. Как-то остановить это.

Но как исправить ситуацию, если я сама больше не понимала, где заканчиваются его слова и начинаются мои собственные мысли?

Я смотрела в глаза бездне, которая всё это время притворялась красивым космосом. Она казалась бесконечной. Такой тихой, такой знакомой. Мне казалось, только она способна заполнить пустоту внутри.

Я ещё не понимала, что пустота уже давно смотрела на меня моими собственными глазами.

Если бы я поняла это раньше. Если бы доверилась своей интуиции.

Есть фраза: **«Если тебе кажется, то тебе не кажется».**

Друг, который использует тебя. Партнёр, который не поддерживает. Человек, рядом с которым ты постоянно сомневаешься в себе. Бездна, которая притворяется космосом.

Почему я так часто верила другим, а не себе?

Ведь я всегда чувствовала, когда что-то было не так. Просто почему-то каждый раз находила тысячу причин не доверять собственным ощущениям.

Я выбирала не себя.

Снова и снова.

А теперь я стояла здесь и впервые задавала себе простой вопрос: **что я вообще здесь делаю?**

Кто привёл меня к краю?

Он?

Или всё-таки я сама?

Наверное, в этом и была самая страшная часть. Можно годами обвинять другого человека в том, что он разрушил твою жизнь, но однажды приходится посмотреть на себя и признать: именно ты позволяла ему занимать в ней всё больше места.

Не потому, что была слабой.

Потому что слишком долго думала, что другие люди важнее тебя самой.

А ведь самое ценное, что есть в нашей жизни, — это мы сами. Не родители. Не дети. Не друзья. Не партнёры.

Мы.

Только когда это понимаешь, становится ясно, насколько дорого обходится привычка постоянно выбирать кого-то другого вместо себя.

И вдруг я увидела её.

Белая бабочка летела прямо ко мне сквозь серый воздух.

Маленькая, хрупкая, почти прозрачная. Она двигалась медленно, словно ветер совершенно её не касался.

Я протянула руку.

Бабочка приблизилась.

Почти коснулась моей ладони.

И в тот же миг рядом мелькнула чья-то рука.

Пальцы сомкнулись вокруг неё.

Я резко повернула голову.

Ник.

Он стоял совсем рядом.

Я смотрела на него несколько секунд, не в силах поверить.

— Я давно тебя не видела.

Ник ничего не ответил. Только смотрел на меня, будто боялся сделать лишнее движение.

— Ди...

Я смотрела на него, не понимая, откуда он здесь.

— Я не дам тебе это сделать.

Я нахмурилась.

— Как тогда?

Ник замер.

— Как тогда...

Он сделал шаг ко мне.

Я отступила.

Нога зацепилась за выступ.

Мир перевернулся.

Я не успела даже закричать.

Перед глазами мелькнуло небо.

Потом серые дома.

Потом его лицо.

И протянутая ко мне рука.

Я потянулась к ней.

Пальцы почти коснулись его руки.

А потом город начал рушиться.

Два года назад...

Раздел I: Жизнь

Глава 1

Что такое осень

Я делаю шаг в бездну. Но, может быть, это не бездна, а космос?

Я шла домой. Вокруг застыли серые пятиэтажки, в окнах которых изредка мелькало холодное жёлтое солнце октября. Я жила в обычном спальном районе обычного областного города. Мне уже восемнадцать. Я закончила одиннадцать классов и поступила в медицинский колледж, где училась на втором курсе сестринского дела. Казалось бы, я уже взрослая, но иногда всё ещё чувствовала себя ребёнком, которому нужны поддержка и внимание. Название учебного заведения, думаю, не имеет значения — сейчас всё это кажется неважным.

Важно лишь то, что место, которое я привыкла называть домом, окончательно превратилось в поле боя.

Я не знаю, что и когда пошло не так. Почему в последнее время родители орали друг на друга как ненормальные? Хотя нет, я знаю. И догадываюсь, чем всё это закончится, но просто боюсь верить в очевидное.

Мне даже некому выговориться. Мою единственную подругу Яну не волнует ничего и никто, кроме неё самой. Чаще всего она даже не дослушивает меня — перебивает на полуслове и начинает рассказывать что-то своё. Это верх неуважения. Конечно, её отношения с очередным парнем (уже вторым за месяц) куда важнее, чем мой персональный ад с родителями.

Я зашла в подъезд. На душе сразу стало беспокойно, предчувствие чего-то скверного липкой лентой облепило мысли. Поднялась на третий этаж, открыла дверь. Как ни странно, криков не было слышно.

Сняв куртку и сапоги, я прошла на кухню. Там, сгорбившись, сидел отец — Анатолий. Он держался за голову, уставившись в одну точку. На столе стояла почти пустая бутылка водки и одна-единственная стопка.

— Пап, — позвала я тихо.

Ноль реакции. Я подошла ближе и коснулась его плеча. Он вздрогнул и поднял на меня заплаканные красные глаза.

— Что случилось? Пап?

— А, Дина... — он тяжело сглотнул. — А что случилось? Мама наша... Елена... к любовнику ушла. Точнее... — он икнул, — уехала она. Совсем.

— Что?!

В душе будто что-то оборвалось. С корнем. Мама уехала к другому мужчине... Это не укладывалось в голове, но большее всего было даже не от факта измены. Обидно, что она не взяла меня с собой.

В последнее время папа всё чаще прикладывался к бутылке, а потом начал распускать руки. Меня он пока не трогал, но я видела, как он толкал маму, давал ей пощечины, а пару раз даже хватал за волосы и таскал по полу. Ей было больно, я понимала, почему она хотела сбежать.

Но в чем виновата я? Почему она не забрала меня из этого кошмара? Почему оставила здесь, с ним? Я отвернулась, не в силах больше смотреть на его пьяное лицо, заперлась в своей комнате. Слова отца набатом били в висках: «Она бросила меня». Оставила с существом, которое с каждым днем всё больше теряло человеческий облик, превращаясь в опасное животное.

Слезы жгли глаза, но я приказала себе взять волю в кулак. Нужно было заняться делами для колледжа, иначе отчислят. На сестринском деле строго следили за практикой, а из-за вечных скандалов я совсем забросила учебу. В нашей «шараге» на посещаемость смотрели сквозь пальцы, но у меня накопилось слишком много пропусков по анатомии. Вопрос о моем отчислении уже стоял на повестке. Преподаватели помнили, что на первом курсе я была прилежной студенткой, и давали мне второй шанс.

Я решила им воспользоваться. Но моим планам не суждено было сбыться.

Стоило мне сесть за стол и открыть реферат, как в квартиру ввалились гости. Громкий хохот и топот раздалились из коридора. Сначала я пыталась сосредоточиться на тексте, но из-за сильного шума, доносившегося с кухни, рука дрожала, и я раз за разом допускала ошибки.

Я взглянула на часы — девятый час. Попыталась вернуться к учебе. На ноутбуке был открыт недоделанный реферат по гигиене — я набросала его на скорую руку, на «тройку» сойдет, лишь бы не отчислили. Но сейчас важнее было разобраться с анатомией. Завтра — зачет по скелету нижних конечностей, а у меня в голове каша из всех этих латинских терминов.

Я открыла тяжелый учебник на разделе «Остеология» и включила на телефоне ролик, где преподаватель монотонно объяснял строение тазовой кости. — Os сохасе состоит из подвздошной, седалищной и лобковой костей... — бубнил голос из динамика.

Я пыталась рассмотреть на экране вертлужную впадину, но из-за стены донесся очередной взрыв хохота и звон разбитого стекла. Злость на отца закипала внутри. Как можно учить латынь, когда в соседней комнате Анатолий окончательно превращается в животное вместе со своими друзьями?

Я со злостью захлопнула ноутбук, отбросила учебник и рухнула на кровать. Взяла телефон. В группе колледжа Ксюша снова спрашивала расписание. Завтра пятница, и она, видимо, решила впервые за неделю почтить нас своим присутствием. Главное, что за «красивые глазки» ей в колледже отчислением никто не угрожал. Эта несправедливость бесила, и, может быть, поэтому я относилась к ней так предвзято.

Тут на экране высветилось сообщение от Ани — еще одной моей однокурсницы. «Дин, привет! Скинь, пожалуйста, конспект по латыни. А то меня Валентина точно приберет завтра. Выручи, а?»

Я вздохнула. Все от меня чего-то хотят. Всем что-то нужно скинуть, объяснить, помочь... А мне кто поможет? Я швырнула телефон на подушку, даже не став отвечать. Внутри нарастало какое-то странное, липкое чувство тревоги.

Шум на кухне на мгновение стих, а потом я услышала тяжелые шаги в коридоре. Слишком четкие, слишком медленные. Это были не папины шаги.

Дверь в мою комнату открылась без стука. На пороге стоял Роман.

Хриплые звуки шансона ворвались в комнату вместе с ним, затопливая её запахом дешевого табака и перегара.

«...не шей мне срок, машина Зингера иголку сломала, всем понятным...»

Хлоп. Дверь закрылась, отрезая путь к спасению. Роман стоял спиной к выходу, преграждая путь. От его сальной, плотоядной улыбки у меня по шее пополз ледяной холод. Это был не просто пьяный сосед. В этот момент он напоминал хищника, который загнал жертву в угол и смакует её страх. Его глаза, потемневшие от выпитого, казались бездонными черными дырами — в них не было ни капли человеческого.

— Диночка, чем ты тут занимаешься? Уроки делаешь? — вкрадчиво начал он, делая мелкие шаги к моей кровати.

Его губы, блестящие от жирной закуски, растянулись в жутком оскале. Движения были пугающе точными — он не качался, он наступал. Кровать, притиснутая боком к стене, оставляла лишь узкий проход, в котором он теперь стоял как скала. Интуиция кричала, что Роман не просто ошибся дверью.

— Вы... вы заблудились, — мой голос дрогнул. — Дядя Рома, если вам в туалет, то это налево по коридору...

— Дина! Какой я тебе дядя? Называй меня просто Рома. Мы с тобой почти одного возраста... — он сально ухмыльнулся. — Твой отец рассказал, что мамаша твоя, Елена, к какому-то хахалю свалила. Я немного знаю её... Думаю, ты не захочешь стать такой же шалавой, как она.

Меня будто током ударило. Обида за маму на миг перекрыла страх.

— Да что вы себе позволяете?! Уйдите немедленно! Мне нужно заниматься!

Я схватила телефон, бессмысленно глядя в экран. Роман и не думал уходить. Воздух в комнате стал густым. Я начала медленно отползать к стене, забиваясь в угол кровати. Я хотела закричать, но горло будто залили горячим воском. А из-за двери, из прокуренной кухни, несло издевательское: «...давай, давай, а ну давай, меня шманай ты, вертухай...»

Отец не услышит. Сейчас он просто кусок мяса за столом.

— Диночка, ты уже взрослая девочка. Я давно за тобой наблюдаю. Я научу тебя получать удовольствие. Научу быть женщиной, а не шлюхой! — он сделал последний шаг и навис над кроватью. — Не хочешь шмарой быть? Говори, тварь!

Я отшатнулась и с силой ударилась спиной о стену. Воздуха не хватало. Вместо слов из груди вырвался жалкий хрип. Роман резко перехватил меня за ворот кофты и приставил к шее складной нож.

— Ты поняла меня?!

Мне было настолько страшно, что я не верила в происходящее. Тело превратилось в чужой кокон. Только острая боль от стали у горла заставила меня слабо кивнуть.

— Хорошо, — он убрал нож в карман. — Сейчас ты снимешь с себя всю одежду сама. Будешь меня слушать — останешься целой. А если нет, мой «друг» в кармане накажет твои ручки или ножки так, что на всю жизнь шрамы останутся. Поняла?

Он сел на край моей кровати, перегородив единственный выход. Я стояла перед ним в узком проходе. Дрожащими руками я стала снимать кофту, футболку, лифчик... Затем стянула джинсы, оставшись в одних трусах. В этот момент я будто проснулась.

«Дина, он тебя сейчас изнасилует, и ты ничего не сможешь сделать!»

Я исподлобья взглянула на него. Роман жадно разглядывал моё тело, на секунду потеряв бдительность. Сейчас или никогда!

Собрав все силы, я рванулась вперед, пытаюсь проскочить мимо него к двери, и одновременно со всей дури толкнула его в плечо. Роман повалился назад, на матрас. Я успела сделать шаг — выход был так близко — как он, словно пружина, выкинул руку вперед. В падении он с силой задел локтем полку над кроватью.

С неё что-то сорвалось. Пин. Мой маленький синий пингвин падал так медленно, будто время решило поиздеваться. Я видела, как он переворачивается в воздухе, как его чёрный бусинчатый глаз смотрит прямо на меня.

В этот же миг пальцы Романа стальным капканом сомкнулись на моей лодыжке и резко дернули на себя. С грохотом я упала на пол в центре комнаты, ударившись лицом о линолеум. Пингвин упал рядом, уткнувшись клювом в пол прямо перед моим лицом. Детство закончилось.

— Мерзкая шлюха! — прошипел Роман.

Бежать я больше не могла. Я чувствовала, что осталась обнажённой. Он навалился сверху, придавливая меня к полу в узком проходе, схватил за волосы и задрал мою голову назад.

— Мне больно... — прошептала я в пыль.

— Это ещё «приятно», девочка, — прохрипел он. — Сейчас будет ещё приятней.

Когда я поняла, что он сделал, я заорала во всё горло:

— Нееет!

Роман тут же намертво зажал мне рот ладонью. Я укусила его за палец.

— Сраная тварь! — заорал он и снова ударил меня головой об пол.

В висках запульсировало. А затем пришла жуткая, разрывающая боль. Мне захотелось провалиться в беспамятство, но я ощущала всё: боль, мерзкий запах пота и перегара. При каждом движении я билась лицом о линолеум. Его рука грубо трогала моё тело. Меня тошнило от

отвращения. Мне хотелось, чтобы его убили. Отрезали всё, чем он меня касается, и заставили его самого сожрать!

Я закусила губу до крови. Одинокaя слеза стекла в пыль. Я слышала его тяжёлое пыхтение и старалась думать только о том, чтобы это скорее закончилось. Но ещё сильнее физической боли горело моё сердце — от обиды и невыносимой горечи.

В ту минуту во мне родилась ледяная, чёрная ненависть: к Роману, к отцу, ко всему этому миру.

— Не успел из-за тебя, сука, — буркнул он, тяжело отдуваясь.

Через вечность всё закончилось. Роман поднялся, поправляя брюки и тяжело отдуваясь. На его лице не было и тени раскаяния — только сытое, животное удовлетворение. Он сверху вниз посмотрел на меня, дрожащую на полу, и вдруг резко, с оттяжкой, пнул меня по боку.

Я вскрикнула, сворачиваясь в узел. Он присел на корточки, больно схватил меня за волосы и повернул моё лицо к себе.

— Слушай, шлюха, — прошипел он прямо мне в губы, обдавая вонью перегара. — Если ты кому-нибудь расскажешь, что у нас было не по обоюдному согласию, я сделаю с тобой такое, что это покажется цветочками. Поняла меня?

Он резко толкнул мою голову, так что я снова ударилась, и вышел.

Хлопнула дверь, отрезая его от моей комнаты, но из кухни всё так же издевательски гремел шансон.

Я случайно зацепилась взглядом за электронные часы на столе. Прошло всего двадцать минут. Всего двадцать минут на то, чтобы разрушить человека навсегда. А мне казалось — прошла вечность.

Я опустила взгляд на пол перед собой. Пятна были красными. Я тупо смотрела на них, не понимая, откуда здесь кровь, пока не коснулась рукой лица. Пальцы мгновенно стали липкими. Из разбитого носа густо текло на пол, смешиваясь с грязью и пылью.

Держась за нос, я попыталась подняться. Опираясь на локоть, подтянула ноги и села на пол. Там, где я лежала, тоже была кровь. Её было немного, но она казалась мне огромным океаном. Я чувствовала неприятную липкость на коже, и меня снова захлестнула тошнота. Хотелось содрать с себя собственную кожу.

Кровь из носа почти остановилась.

«Как тут грязно... Господи, как грязно. Нужно вытереть», — застучало в голове.

Я поднялась на ноги, тело забило в крупной дрожи, как при лихорадке. Но в мозгу билась только одна мысль: уборка. Самое важное — прибраться. Вдруг зайдёт отец? Вдруг вернется Анатолий или этот... Роман? Что они обо мне подумают, если увидят этот беспорядок?

И тут меня пробрал смех. Хриплый, каркающий звук вырвался из горла.

— Ха... ха-ха...

Почему я должна убирать за ним? Это же он здесь «нашалил», это он всё испачкал! Или если кровь моя, то и виновата во всём я? Получается так?

Я не могла остановиться. Смех душил меня, он был до ужаса весёлым и ледяным одновременно. Я хохотала, глядя на пятна на линолеуме, пока в какой-то момент звук не захлебнулся. Вместо смеха из груди вырвалось рыдание — такое страшное, будто сама душа рвалась на части, не в силах вынести веса этого мира.

Я поползла до кровати и забралась на неё, сжимаясь от холода. Ноздря, забитая запекшейся кровью, не дышала. Совершенно не соображая, что делаю, я высморкалась прямо в руку, размазав кровавые сопли по покрывалу. Мне было всё равно.

В этот момент я увидела его. Пин лежал на полу, там, где я только что была. Я перегнулась через край кровати, схватила его и с силой прижала к себе. Я зарылась лицом в его старый, пыльный мех, пачкая его когда-то бело-синее пузо кровью и слезами. Пин был единственным, кто не предал.

Я залезла под одеяло с головой, сворачиваясь калачиком вокруг игрушки. Сознание начало медленно проваливаться в спасительную темноту. Сквозь пелену я слышала какие-то голоса в подъезде, кажется, приходили соседи, а может, и полиция — кто-то жаловался на музыку и крики.

«Почему вы не пришли раньше?» — лениво промелькнуло в голове. Но мысль тут же растаяла, уступая место тяжелому, черному забытию.

На тумбочке последний раз за ночь мигнул экран телефона:

«Дина, ты не одна...»

Но Дина уже не видела. Она была в объятиях Морфея — и хотя бы на время могла не чувствовать боли.

Глава 2

Разрушенный пустой город

Разрушенный пустой город. Серые скелеты зданий подпирали хмурое небо. Редкие высотки, сохранившие свои очертания, выглядели здесь чужими, будто их перенесли из другой, счастливой жизни. Пустые глазницы окон смотрели на меня с немым укором. Ни одной живой души. Будто конец света уже настал, и я — последний свидетель этого финала.

Ноги сами вели меня по изрытой пыльной дороге. Я не знала, куда иду, пока не увидела лестницу, ведущую на крышу одной из уцелевших высоток. Какое-то непреодолимое желание увидеть масштаб катастрофы потянуло меня вверх.

Грудь сдавливала тупая боль, становилось тяжело дышать, но я упрямо карабкалась по ржавым ступеням. Еще немного. Еще пара рывков. Вдруг нога соскользнула с влажного металла.

«Это конец», — успела подумать я, чувствуя, как бездна тянет меня за плечи.

Но чья-то рука резко перехватила моё запястье. Сильная, уверенная хватка спасла меня от падения. Незнакомец поддержал меня, помогая найти опору, и вытянул на крышу. Я еще не видела его лица, но уже почувствовала: это парень. Его ладонь была широкой, с длинными, почти музыкальными пальцами, но кожа — пугающе холодной.

Я подняла взгляд на своего спасителя и утонула в омуте его ярко-голубых глаз. Они были такими же ледяными, как и его руки. Знаете это чувство, когда осторожно окунаешься в прохладное озеро теплым летним вечером? Тело покалывает тысячами иголок, дыхание перехватывает, и ты думаешь только об этой обжигающей свежести.

Меня будто окатили ледяной водой. Взгляд незнакомца не отпускал, и мне не хотелось уходить. Хотелось стоять так вечно, погружаясь в эту прозрачную, холодную синеву. Но он первым прервал зрительный контакт. Отпустил мою руку, отвернулся и сел на самый край крыши, небрежно похлопав по бетону рядом с собой.

Я осторожно присела рядом. И тут мир изменился.

Серость мгновенно сменилась ядовито-ярким закатом. Солнце всходило, озаряя руины. Солнцу было плевать на то, что произошло. Оно всходит каждое утро и будет всходить, даже если на Земле не останется никого, кто мог бы на него смотреть.

От этой красоты захватило дух. Как может сочетаться настолько несочетаемое? Разрушение и созидание. Красота и боль. Тьма и свет.

— Кто ты? — прошептала я, нарушая тишину.

— Тебе так важно это знать? — его голос был тихим, под стать взгляду.

— Ты спас меня. Конечно, важно, — я почувствовала, как к щекам приливает жар.

— Ты сама себя спасла, Ди.

Я вздрогнула.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Ты его не скрываешь.

Я замолчала, глядя на свои руки. По правде говоря, в этом сне я сама забыла, как меня зовут. Он напомнил. В голове, словно факелы, начали вспыхивать вопросы: «Кто я? Что я здесь делаю? Зачем пришла?»

— Ты пришла за ответами, — ответил он, словно прочитав мои мысли.

— За ответами? Я ничего не помню. Что случилось с этим городом? Почему он мертв? Незнакомец обвел рукой горизонт.

— Это разрушенный мир. Когда-то он был полон надежд и желаний, он строился годами. Но на него напали. Город жил, а теперь он мертв. Весь мир мертв.

— Это так печально... Неужели всё так плохо?

— Плохо? — он едва заметно улыбнулся, глядя на солнце. — Посмотри, оно всё равно светит. Город будто оживает в этих лучах. Его еще можно спасти.

— Откуда ты знаешь?

— Разрушение произошло на моих глазах. Но вместо того, чтобы помочь, я струсил. Я спрятался. Я остался жив, Ди.

— Ты мог спасти город?

— Нет. Но если бы я погиб вместе с ним, я бы провалился в небытие, и муки совести не грызли бы меня каждую секунду. А так... я поступил здраво. Но эта «здрaвость» убивает меня каждый день.

— Знаешь... меня тоже мучает совесть, — вдруг сорвалось с моих губ.

— Я знаю, Ди. Поэтому ты здесь. В моём разрушенном городе.

— Поэтому? Но я не помню, что я сделала... Почему на душе так мерзко?

Ник повернулся ко мне. В его глазах больше не было холода — только бесконечная печаль.

— Ты ничего не сделала. Но ты считаешь себя виноватой. И пока ты будешь так думать, этот город окончательно вымрет. Его можно не только восстановить, но и вдохнуть в него новую жизнь.

— Ты спас меня... — я почувствовала, как по щекам текут слезы отчаяния. — Но зачем? Я не смогу спасти целый город. Я даже себя спасти не могу...

Моё сердце сжала невидимая ледяная рука душевной боли. Я чувствовала себя ничтожной на фоне этих руин.

— Ты сможешь, Инопланетянка.

Меня будто током ударило. Это слово... я уже слышала его. Где-то там, в другой реальности. Я впиалась взглядом в его лицо.

— Кто ты? Скажи хотя бы имя!

— Я Ник.

— Я видела тебя раньше?

— Это сейчас не имеет значения. Важно лишь то, кто ты, и что ты сделаешь, чтобы спасти город. Ты сможешь, Ди...

Ник ободрающе улыбнулся, и в этот миг крыша под моими ногами начала рассыпаться в пыль.

— Нееет! — закричала я, срываясь вниз, в серую пустоту...

Я открыла глаза. В горле было сухо, как в пустыне, — кажется, я кричала наяву. Щеки были мокрыми от настоящих слез.

Несколько дней я пробыла в странном анабиозе. Не знаю, сколько времени прошло на самом деле — два дня, три? Я существовала вне реальности, опьяненная шоком и ужасом. Мозг отказывался верить в то, что произошло. Хотелось думать, что Роман, нож, кровь на линолеуме — это тоже был сон. Страшный, затянувшийся кошмар.

Но реальность ударила в нос резким, тошнотворным запахом.

Я окончательно пришла в себя, когда почувствовала, как от меня «шманит». Ужасная смесь запахов: засохшая кровь, немытое тело, кислый пот и что-то еще, непонятное и грязное. Запах жертвы. Запах человека, который перестал за собой следить, потому что перестал себя чувствовать.

Сначала я решила перекусить. Я вообще не помнила, ела ли что-то последние дни. После того случая в памяти зияли дыры, будто кто-то выдрал из моей жизни целые страницы. На ватных ногах я зашла на кухню, и в нос тут же ударило амбре протухших продуктов. Запах исходил от переполненной мусорки, вокруг которой валялись объедки и пустые бутылки. Свины. Мерзкие, пьяные свины.

Меня мгновенно затошнило. Я едва успела добежать до туалета и склонилась над унитазом, бессмысленно пытаясь выблевать содержимое пустого желудка. Выходила только желчь и горькая пустота.

После такого кусок в горло не лез.

«Сначала — мыться», — приказала я себе.

В душе я включила горячую воду, почти кипятком. Взяла жесткую мочалку и начала интенсивно, с остервенением тереть кожу. Мне хотелось содрать её с себя, смыть эту невидимую грязь вместе с верхним слоем эпидермиса. Я терла до красноты, до боли, представляя, как этот ублюдок горит заживо на костре. Как его закапывают в лесу, живьем, как бешеную собаку.

Слёзы снова потекли, смешиваясь со струями воды. Здесь, под шум душа, я могла вылить все свои эмоции, не боясь, что меня услышит отец.

Вылезла я вся пунцовая. Кожа горела, местами появились ссадины — я не знала, старые они или я сама их только что поставила. В зеркале на меня смотрело чужое лицо. Глаза ввалились, скулы заострились. Я осунулась так, будто переболела тяжелой лихорадкой.

Вернувшись в комнату, я поставила телефон на зарядку. Спустя пару минут экран вспыхнул. Сообщения.

От Яны.

«Дина, ты куда пропала?»

«Дина, у тебя все норм?»

«Дин, ты обиделась?»

Пальцы механически застучали по стеклу:

«Ян, приеду завтра с утра, сможем сходить куда-нибудь. У меня мама... уехала. Совсем».

Яна ответила минут через пять:

«Ого... Слушай, давай сегодня? Сходим в кофейню?»

Мне нужно было выбраться из этого свинарника. Воздух в квартире казался отравленным.

«Да, давай».

Я натянула первую попавшуюся одежду. Она пахла несвежестью, какой-то затхлостью шкафа, но мне было плевать. Пусть воняет. Пусть все видят, какая я грязная внутри.

На улице стоял всё тот же серый день. Серые пятиэтажки, серые люди. Глядя на них, я вспомнила свой сон. Я отчаянно хотела жить в том солнечном городе среди высоток, где на балконах качаются цветы, а не выцветшее бельё. Но пока моей реальностью был этот бетонный мешок.

В кофейне пахло жареными зёрнами и выпечкой. Запах еды неожиданно пробудил зверский голод. Я нашарила в кармане смятые деньги. На витрине красовались десерты, и я, почти не выбирая, заказала капучино и брауни.

Ушла в самый дальний угол, в тень. Села за столик. Я ела этот приторно-сладкий, плотный шоколадный пирог и смотрела в одну точку на стене. В голове было пусто.

Я ела и ждала Яну, понимая, что та Дина, которая сидела здесь неделю назад, никогда не вернется. Эта новая Дина пахла старой одеждой, имела ссадины под кофтой и видела разрушенные города во сне.

Через пару минут дверь кофейни с грохотом распахнулась, и в помещение буквально влетела Яна. Она всегда так появлялась — создавая вокруг себя вихрь из запаха приторных духов и шума. Быстро обшарив глазами зал, она заметила меня и понеслась на всех парах, цокая каблучками.

— Дина! Ну наконец-то! — громко, почти на всё кафе, воскликнула она.

Она швырнула брендовую сумку-подделку в кресло, скинула куртку и села напротив, тяжело дыша, будто пробежала марафон.

— Ты меня до инфаркта довела! Не появляешься, на звонки — ноль. Преподы меня уже пытали, особенно «анатомичка». Я наплела им, что у тебя там семейная драма, чуть ли не похороны. В общем, спасла твою задницу от отчисления, — она сделала паузу, жадно впиваясь в моё лицо взглядом. — Дин... ну и видок. Ты как будто из склепа вылезла. Заболела? Или реально всё так плохо?

Я подняла взгляд, чувствуя, как внутри всё сжимается. Её любопытство было слишком острым, почти нездоровым. Она не просто волновалась, она хотела подробностей, «мяса».

— Да, спасибо, Ян. Ты права... проблемы. Мама уехала к другому мужчине. Папа в глубоко ауте, дома — филиал ада.

— Офигеть... — Яна откинулась на спинку кресла, прижав ладонь к губам. — Бедняга. Ну, надеюсь, всё как-нибудь рассосется. Мужики — козлы, что тут скажешь.

Воцарилось молчание. Я смотрела на свой недоеденный брауни, чувствуя, как между нами растёт стена. Рассказать ей? Про Романа? Про нож? Нет, она не поймет. Ей будет просто «интересно».

Вдруг Яна подалась вперед и накрыла мою руку своей. Её ладонь была горячей и липкой от крема.

— Дина, посмотри на меня. Ты, небось, думаешь, что мне плевать? Что я только о своих шмотках и парнях думаю? Да, я много болтаю, но это я так пустоту заполняю, чтобы не было неловко. Ты же как партизан — слова не вытянешь. Бросаешь сухие факты, а что у тебя на душе — хрен разберешь. Я же вижу, ты что-то не договариваешь. Ты мне не веришь?

Я начала возить полупустым стаканчиком по столу, оставляя на дереве кофейные круги. Внутри шевельнулось чувство вины. Может, я и правда плохая подруга? Сужу её по обложке, а она, оказывается, чувствует мою закрытость. Стыд на мгновение перекрыл даже мерзкие воспоминания о Романе.

Я несмело положила свою ладонь поверх её руки.

— Ян, спасибо, что пришла. Наверное, я и правда не умею делиться... Я запуталась. Всё, что происходит, кажется каким-то затянувшимся кошмаром. Я просто не знаю, как с этим жить.

Яна понимающе кивнула. В её глазах мелькнула странная искра — то ли торжества от моей слабости, то ли искреннего участия.

— Слушай, — вдруг воодушевилась она, и её голос стал привычно звонким. — Поехали ко мне на дачу на выходные? К бабушке. Там сейчас бабье лето обещают, природа, свежий воздух. Уедем из этого депрессивного города, попьем вина, поболтаем. Тебе нужно встряхнуть из головы весь этот мусор.

— А бабушка не будет против? — я зацепилась за эту идею как за спасательный круг.

— Ой, да она только рада будет! Она меня обожает, а тебя тем более — ты же такая «правильная» девочка из медколледжа. Она тебя еще и пирогами закормит.

Мы помолчали еще пару минут. Мне стало чуть легче — план «побега» давал призрачную надежду на передышку.

— Спасибо тебе, Яна. Правда.

Она улыбнулась — слишком широко, обнажая все зубы, и порывисто обняла меня. От неё пахло лаком для волос и чем-то сладким.

— Мы же подруги, Дин. Я тебя в обиду не дам.

Мы расплатились и вышли из кафе. На улице поднялся ветер, небо окончательно затянуло свинцовыми тучами, начинал накрапывать мелкий, колющий дождь. Домой идти не хотелось до дрожи в коленях, но выбора не было.

Мы попрощались на перекрестке. Я смотрела, как яркая куртка Яны исчезает в серой толпе, и не знала, радоваться мне или бояться. Звоночек в голове тихонько звякнул: она предложила помощь именно в тот момент, когда я выглядела максимально раздавленной.

Я пошла домой, кутаясь в воротник, который всё еще хранил тот самый, «грязный» запах.

Мне было страшно даже подходить к подъезду. Казалось, что мерзкий Рома поджидает меня там, стоит только подойти к дому. Но холодный октябрьский дождь смыл с улицы всех людей — в том числе и нелюдей.

Меня трясло — то ли от сырости, то ли от воспоминаний. Я всё еще не верила, не верила, что произошло что-то страшное и необратимое. Каждый раз, когда я оставалась одна, я прокручивала в голове тот вечер. Могла ли я что-то изменить? Что, если бы полиция приехала раньше? Что, если бы я ушла из дома... но куда?

И папа... Это слово из четырех букв теперь вызывало во мне приступ ярости. Этому алкашу абсолютно плевать на меня, даже если бы на меня напала толпа его недалеких друзей. А этот Роман... хитрый. Возможно, он давно придумывал этот план по моему уничтожению. Зачем таких существ вообще выпускают из тюрьмы?

С этими мыслями я зашла в подъезд и поднялась в квартиру. Дома никого не было. Я быстро пробежала в свою комнату и попыталась уснуть, но сон не шел. Папа пришел поздно ночью, один. Теперь я просыпалась от каждого шороха. За эти дни я совсем не выспалась. Надеюсь, хотя бы в доме у бабушки Яны будет лучше. Свежий воздух и хоть какой-то покой. Дома я больше не чувствовала себя в безопасности.

До поездки оставалось два дня. В мессенджере не утихали уведомления в учебной группе, но я их отключила. Мне было не до учебы.

Я взяла телефон, чтобы проверить время, и вдруг замерла. На экране висело уведомление от пользователя, которого не было в моих контактах.

Ник: «Иногда нужно разрушить всё старое, чтобы спасти город, Ди».

Сердце пропустило удар. Ди? Откуда он знает это сокращение? И этот голос во сне... Ник. Совпадение? Но я никогда раньше не общалась ни с каким Ником. Может, это просто какой-то парень из сети хочет познакомиться и несет всякую чушь? Но почему именно сейчас? И почему его слова так странно перекликаются с моими мыслями о переменах?

Чтобы как-то отвлечься, я начала собираться. Взяла рюкзак, швырнула туда теплый спортивный костюм, белье, пару футболок, пижаму. Взгляд упал на расческу. Нервный смех пробрал меня. Сколько я не расчесывалась? Что вообще со мной происходит?

Я решила помыться и заодно посмотреть на себя. Из зеркала на меня смотрело худое лицо девушки, выглядевшей максимум на двенадцать лет и пребывающей в каком-то голодном рабстве. Блестящие глаза с длинными ресницами и абсолютно потухшим взглядом. Заостренный нос, скулы. При моем росте в 165 я весила пятьдесят килограммов, но за эти дни, кажется, осталось всего сорок пять. Кости проступили там, где их раньше не было видно.

«Красавица! — подумала я с горечью. — И как только этот Роман на меня позарился». Раньше я не считала себя уродиной, но теперь... Теперь я истерзана. Лучше бы я была самой некрасивой в мире, может, тогда до меня никто не домогался бы.

— Так, Дина, забудь, — прошептала я, чувствуя, как начинает щипать глаза.

Я решила отвлечься на другую проблему: мои волосы. Длинные, русые... вернее, то, что от них осталось. За эти дни они сбились в такие колтуны, что расческа просто застревала в них. Я пыталась их распутать, но это было бесполезно. К тому же, каждый раз, когда я касалась волос, я вспоминала, как он хватал меня за них, вжимая лицом в пол.

Зачем они мне? Чтобы ему было удобнее держать?

Я решила, что не хочу больше их носить. Это была не я. Это была «та» Дина, с которой всё это случилось. Мне нужно было что-то изменить. Срочно.

Я нашла в записке у папы деньги — он еще не всё успел пропить. Накинула куртку и пошла в парикмахерскую «Светлана» прямо за углом дома. Мужские и женские стрижки от 300 рублей.

Внутри парикмахерской «Светлана» пахло дешевым лаком и жжеными волосами. Я села в кресло, стараясь не смотреть на свое отражение в заляпанном зеркале.

— Стригите коротко, — сказала я, голос прозвучал на удивление твердо.

Мастер, женщина с усталым лицом, подошла ближе и осторожно дотронулась до моих волос. Она нахмурилась, пытаясь распутать пальцами один из колтунов на затылке.

— Ой, деточка... Да как же ты так? Тут такие узлы, расческой не возьмешь. Жалко длину, русые такие, густые были. Может, всё-таки попробуем масками какими-то?

— Нет, — отрезала я. — Стригите. Я не хочу это вычесывать. Просто уберите всё.

Женщина еще раз осмотрела масштаб «катастрофы» и вздохнула.

— Ладно. Давай тогда сделаем каре. По плечи или чуть выше. Так мы все эти запутанные места срежем, и форма будет аккуратная. Совсем коротко, под мальчика, тебе при таком худом личике не стоит — одни глаза останутся. Согласна на каре?

— Да. Делайте что угодно, только уберите это.

Лезвия ножниц защелкали у самых ушей. Я закрыла глаза, слушая этот звук. Чик. Чик. Каждая отстриженная прядь, падавшая на пол, казалась мне сброшенным грузом. Вместе с волосами в грязную кучу на кафеле летело всё: запах перегара Романа, его грязные руки, вцепившиеся в мою голову, и та беспомощная Дина, которая не смогла отбиться.

Когда я открыла глаза, на меня смотрела незнакомка. Короткие русые пряди обрамляли лицо, делая его еще более острым и бледным. Но теперь я выглядела... иначе. Свежее. Как будто сняла с себя тяжелый, грязный капюшон.

Я расплатилась папиными деньгами и вышла на улицу. Ветер тут же коснулся обнаженной шеи, и я вздрогнула от непривычной прохлады.

Дома я первым делом схватила телефон. Тот самый «Ник». Я перечитала его сообщение несколько раз: «Иногда нужно разрушить всё старое, чтобы спасти город, Ди».

Пальцы замерли над клавиатурой. Мне было страшно отвечать. Страшно, что это окажется какой-то злой шуткой. Но одиночество в пустой квартире давило сильнее страха.

«Кто ты? Откуда ты меня знаешь?» — быстро напечатала я и, не дожидаясь ответа, швырнула телефон на кровать.

Сердце колотилось где-то в горле. Я боялась увидеть уведомление, боялась прочитать ответ. Чтобы не сойти с ума от ожидания, я заставила себя лечь под одеяло и закрыть глаза. Мне нужно было поспать перед дорогой. Хотя бы пару часов.

Провал в сон был резким, как падение в яму.

И снова этот город. Но теперь здесь не было спасительного заката. Только бесконечные серые сумерки и тяжелое, давящее небо, готовое рухнуть на голову. Руины казались еще более мрачными, они скалились острыми краями арматуры.

Я бежала по узкому лабиринту из бетонных плит. Воздух был ледяным и вязким, дышать было больно. Я знала, что за мной никто не гонится, но чувство тревоги гнало меня вперед. Я искала выход. Я искала кого-то.

Внезапно лабиринт закончился тупиком. Я оказалась на небольшой площадке, окруженной полуразрушенными стенами. Это место смутно напоминало детскую площадку — из земли торчали ржавые останки качелей, а в центре была большая яма, похожая на песочницу, засыпанную пеплом.

На краю этой песочницы сидел он. Тот самый парень с пронзительно-голубыми глазами.

Он выглядел иначе, чем в прошлый раз. Его фигура казалась меньше, плечи — уже, словно он был моложе, почти подростком. Он сидел, опустив голову, и перебирал пальцами серый пепел.

Я остановилась, боясь пошевелиться. От него исходила волна такого знакомого, щемящего холода.

— Ты пришла, — сказал он, не поднимая головы. Его голос звучал глухо, как из-под толщи воды.

— Кто ты? — мой голос дрожал. — Почему ты здесь, в моей голове?

Он медленно поднял голову. Голубые глаза смотрели на меня с какой-то древней, недетской тоской.

— Я Ник, — просто сказал он.

— Ник... — я попробовала это имя на вкус. Оно казалось чужим и одновременно до боли родным, как забытая мелодия из далекого детства. — Я не знаю никаких Ников.

Он грустно улыбнулся уголком рта.

— Знаешь, Ди. Ты просто забыла. Мы все здесь что-то забыли.

Он протянул руку, раскрывая ладонь. На ней лежал маленький, блестящий предмет. Я сделала шаг вперед, пытаясь разглядеть, что это. Кажется, это был стеклянный шарик-марблс, внутри которого застыл синий вихрь. Точно такой же, какой я когда-то...

В этот момент земля под ногами снова дрогнула. Стены вокруг начали сдвигаться с оглушительным скрежетом.

— Вспоминай, Ди, — его голос начал отдаляться, хотя он сидел на месте. — Город рушится, потому что ты не помнишь...

— Что?! Что я должна вспомнить?! — закричала я, пытаюсь пробиться к нему сквозь серую пелену.

Но бетонные плиты сомкнулись перед моим носом, отрезая меня от его голубых глаз.

Я проснулась от собственного сдавленного крика. Сердце колотилось в ребра, подушка была мокрой от пота. В комнате было темно. Я лежала, хватая ртом воздух, и перед глазами всё еще стоял этот странный, полужнакомый парень в песочнице из пепла. Ник.

Я схватила телефон. Экран был темным. Ответа на мое сообщение не было.

Я лежала в темноте, глядя в потолок, и пальцы сами потянулись к коротко остриженным волосам. Шея казалась непривычно голой, незащищенной.

Экран телефона вспыхнул. Я вздрогнула.

Ник: «Твой город стал чище. Тебе идет, Ди».

Моё дыхание перехватило. Он видит меня? Или он просто знает? Это чувство — когда тебя видят насквозь — должно было напугать, но вместо этого по телу разлилось странное, щекочущее тепло. Похожее на влюбленность, но гораздо глубже, словно мы были связаны невидимым проводом, по которому бежал ток.

Дина: «Откуда ты знаешь про волосы? Ты следишь за мной?»

Ник: «Я не слежу. Я просто чувствую, когда тебе становится легче дышать. Спи. Завтра будет долгий путь. Я буду рядом, даже если ты меня не увидишь».

Я прижала телефон к груди. Сердце колотилось в каком-то рваном, сумасшедшем ритме. Кто он? Почему его слова вызывают во мне такую дрожь, какой я не чувствовала ни к одному парню в колледже? Это пугало и манило одновременно. Я заснула с этой мыслью, чувствуя, как его ледяные голубые глаза из сна согревают меня изнутри.

Ночь прошла в полусне. Я вздрагивала от каждого шороха за дверью, но, к счастью, отец пришел поздно и сразу вырубился.

Утром я собралась за пять минут. Стараясь не дышать, я прошла через комнату отца. Он спал на диване в одежде, от него разило перегаром и тяжелым, застоявшимся сном. Он даже не пошевелился, когда я тихо щелкнула замком, навсегда — как мне хотелось верить — оставляя этот кошмар за спиной.

На автовокзале было шумно и суетно. Пахло выхлопными газами, дешевым кофе из автоматов и сыростью. Погода, на удивление, стояла теплая: золотистое солнце пробивалось сквозь утренний туман, а легкий ветерок гонял по перронам сухие листья.

Я стояла рядом с Яной, вцепившись в лямки рюкзака. Люди вокруг казались мне угрозой. Каждое резкое движение заставляло сердце подпрыгивать.

И тут я увидела его.

У соседней платформы, среди толпы, мелькнула знакомая кожаная куртка и этот характерный разворот плеч. Роман. Он стоял спиной ко мне, что-то высматривая в расписании.

Мир вокруг мгновенно замер. Кровь отлила от лица, по коже пробежал ледяной пот, а ноги стали ватными. Я задохнулась от ужаса, не в силах даже вскрикнуть.

— Ты чего? — Яна больно дернула меня за рукав. — Дин! Ты чего застыла, как памятник?

Я, словно в замедленной съемке, повернула голову, не в силах отвести взгляд от той фигуры. Мужчина обернулся.

Вздых облегчения, похожий на стон, вырвался из моей груди. Это был не он. Просто похожий со спины мужик с холодными серыми глазами. Он скользнул по мне равнодушным взглядом и пошел к своей маршрутке.

Я задрожала всем телом. Чтобы не упасть, я порывисто обняла Яну, утыкаясь носом в её пахнущую духами куртку.

— Всё в порядке... — прохрипела я. — Просто показалось. Глюк.

— Ну ты даешь, подруга, — хохотнула Яна, похлопав меня по спине. — Совсем нервишки сдали. Вид у тебя, конечно... С этим каре ты вообще как воробышек общипанный. Ладно, вон наш «пазик», пошли.

Наш автобус — старый, выдавший виды ПАЗик — тяжело подкатил к платформе, окутывая нас облаком сизого дыма. Мы зашли внутрь. Салон пах пыльными занавесками, соляркой и чьими-то пирожками. Я села у окна, Яна устроилась рядом, тут же начав копаться в телефоне.

Автобус тронулся, подпрыгивая на каждой выбоине. За окном потянулись типичные пригородные пейзажи: полуразрушенные бетонные заборы, ржавые гаражи, а потом — бескрайние золотые поля и вспышки багряных лесов. Бабье лето было в самом разгаре.

Яна долго трещала о чем-то своем — про пары, про то, какая «анатомичка» душная. Но я заметила странное: она ни разу не упомянула своего нынешнего парня, хотя обычно её рот не закрывался от рассказов о его подарках. Расстались? Или что-то скрывает?

Внезапно она замолчала. Я почувствовала, как она накрыла мою ладонь своей.

— Солнышко, — её голос стал непривычно мягким, почти елейным. — Ты расскажешь мне, что с тобой происходит на самом деле? Ты сама на себя не похожа. Эти волосы, эти глюки на вокзале... Кто тебя так напугал?

Я вздрогнула от её «солнышка». В этом было что-то фальшивое, как будто она примеряла роль доброй феи для Инстаграма. Я выдавила из себя бледную улыбку:

— Как соберусь — так сразу, Ян. Сейчас просто... нелегко. Мне хочется вообще ни о чем плохом не думать. Давай просто доедем, ладно?

Яна понимающе (как ей казалось) улыбнулась и откинулась на спинку сиденья. Дальше мы ехали в относительной тишине. Люди выходили на пыльных остановках у обочин, кто-то спал, привалившись к стеклу, кто-то тихо шептался.

В какой-то момент мой телефон в кармане коротко дрогнул. Я осторожно, чтобы Яна не увидела, достала его.

Ник: «За окном красиво, правда? Деревья сбрасывают лишнее, как и ты. Скоро город останется позади. Дыши глубже, Ди».

Я посмотрела в окно. Мимо пролетал указатель с названием деревни. Откуда он знает, что я смотрю в окно именно сейчас? Чувство «неправильной» близости снова кольнуло где-то под ребрами. Мне было страшно, но этот страх был другим — сладким, манящим.

Наконец, водитель объявил нашу остановку. Мы вышли на пустую дорогу. Автобус уехал, оставив после себя тишину и запах бензина.

Воздух здесь был совершенно другой — густой, пахнувший сухой травой, печным дымом и наступающими сумерками. Здесь всё чувствовалось иначе. Тишина не давила, она принимала.

— Ну, пошли, — Яна поправила сумку на плече. — Бабуля уже, небось, весь телефон оборвала. Тут идти минут десять через лесок.

Мы свернули на узкую тропинку. Под ногами шуршала опавшая листва, а высокие сосны смыкались над головой, отрезая нас от остального мира. Я чувствовала, как городская грязь и липкий страх перед Романом начинают понемногу осыпаться, как старая сухая штукатурка. Но я еще не знала, что в этом тихом месте меня ждут ответы, к которым я не готова.

Глава 3

Деревня

Лес расступился, открывая вид на небольшую деревню. Мы подошли к крепкому деревянному домику Яниной бабушки. На участке всё было по-настоящему: теплица, приземистая банька и сад с огородом, где несколько яблонь уже сбросили часть листвы. На крыльце, зали- том мягким закатным солнцем, сидела пятнистая кошка. Увидев нас, она не убежала, а лишь прищурилась и издала глубокий, вибрирующий звук: «Мууур».

Кошка прыгнула с крыльца и обвила мои ноги хвостом.

— Мурка! — обрадованно воскликнула Яна и присела на корточки. Я тоже протянула руку, касаясь теплой шерсти. На мгновение пальцы перестали дрожать.

Заскрипели половицы, и дверь дома распахнулась. На пороге стояла Баба Дуся — пол- ненькая, очень милая, в домашнем синем халате с рисунком из белых облаков.

— Бабуля! — Яна кинулась к ней в объятия.

Баба Дуся расцеловала внучку и повернулась ко мне:

— Здравствуй, Диночка.

Она притянула меня к себе. От неё пахло пирогами и какими-то старыми цветочными духами. Это было так неожиданно, что я замерла. Когда Баба Дуся отстранилась, я обнаружила, что щеки мокрые. Яна и бабушка переглянулись. Баба Дуся лишь едва заметно подняла брови, в её взгляде мелькнула тень тяжелой думы, но она ничего не спросила.

Дом внутри был настоящим: три комнаты, огромная печка, терраса и чердак. Нас уло- жили в одной из спален. В ту ночь я впервые за долгое время заснула без звуков шансона и криков отца.

Утро началось с запаха растворимого кофе и сгущенки. Солнце озаряло стену. Я вышла на кухню, но Яна тут же перехватила меня и затолкала обратно в комнату.

— Дина, мне кажется, у тебя не всё в порядке. Ты среди ночи стала повторять: «Нет, пожалуйста, не нужно».

Я сглотнула горький комок. Значит, мой кошмар приехал со мной.

— Я расскажу... позже, — выдавила я.

Яна посмотрела на меня долгим взглядом:

— Возможно, тебе кажется, что я поверхностная. Но я же чувствую, Дина, что ты меня к себе не подпускаешь. Я рядом, когда будешь готова.

Мне стало стыдно. Я улыбнулась и порывисто обняла подругу.

Чтобы окончательно проснуться, мы решили слазать на чердак. Там, в лучах утреннего солнца и танцующей пыли, мы нашли целые залежи сокровищ: старые фотографии, тяжелую посуду и вещи из прошлого. Мы чихали от пыли и смеялись, и это утро было почти нормаль- ным.

После чердака мы спустились пыльные, но странно воодушевленные. Баба Дуся уже напекла гору блинов, и их аромат заполнил весь дом. Позавтракав, Яна решительно заявила:

— Всё, хватит киснуть. Пошли в центр, на «пяточок». Там сейчас все наши соберутся, хоть посмотрим, кто в этом году из города приехал.

«Пяточком» оказалась старая площадка за местным магазином. Пара ржавых качелей, которые выли при каждом движении, и несколько длинных лавок, густо усыпанных шелухой от семечек. Яна тут же нашла своих — стайку парней в спортивках и девчонок в ярких куртках. Она вписалась в толпу моментально, а я почувствовала себя лишней деталью в этом механизме.

Я отошла к самому краю площадки и присела на край низкого заборчика. Куртка казалась мне слишком тяжелой, а короткие волосы на затылке приятно охлаждал ветерок.

Неподалеку, на единственной целой качели, сидела девочка. Она не качалась, просто замерла, глядя, как носки её чистых кроссовок чертят линии в сером песке. На фоне местных

ребят, загорелых и шумных, она выглядела инопланетянкой. Очень бледная кожа, светлые, почти прозрачные волосы и огромные глаза.

Я поймала её взгляд. Она не отвела глаза, как это делали деревенские, а просто чуть наклонила голову набок. Я решила, что терять мне всё равно нечего.

— Привет, — я неловко кивнула. — Ты тоже ждешь, когда этот день закончится?

Девочка слабо улыбнулась. Улыбка у неё была не детская — какая-то сдержанная.

— Примерно. Тут довольно шумно, да?

— Не то слово, — я подошла чуть ближе. — Я Дина. Приехала к бабушке подруги.

— А я Света. Мы с папой тут... по делам. В доме его дедушки остановились, на другом конце деревни. Он умер недавно, вот мы и приехали.

Я присмотрелась к ней. Света была худенькой, какой-то хрупкой, как фарфоровая фигурка, которую забыли на полке.

— Ты в каком классе? — спросила я, пытаюсь завязать нормальный разговор. — По виду — класс седьмой?

— В девятый перешла, — Света чуть заметно поморщилась. — Мне пятнадцать. Но папа говорит, что я выгляжу младше из-за «отсутствия режима». Хотя режим у меня такой, что в армии позавидуют.

Я невольно усмехнулась.

— О, знакомая тема. У меня тоже... специфический отец. Только у него режим зависит от того, сколько в бутылке осталось.

Света посмотрела на меня с внезапным интересом.

— Мой не пьет. Он архитектор. У него всё должно быть идеально — линии, планы, люди... Он даже мой день планирует так, будто я какой-то бизнес-проект. «Света, заземляйся», «Света, развивай социальные навыки». Вот, отправил меня сюда «социализироваться».

— И как успехи? — я кивнула на шумную толпу, где Яна уже всю хохотала над чьей-то шуткой.

— Никак. Они другие. Пахнут по-другому, смеются над тем, что мне не кажется смешным. А ты... ты тоже на них не похожа. Ты как будто... под напряжением. Знаешь, как провода гудят перед грозой?

Я вздрогнула. Точнее не скажешь. В голове снова всплыли обрывки того вечера с Романом, лицо отца, страх.

— У меня просто голова... немного двинутая в последнее время, — честно призналась я. — Проблемы, все дела.

— Это честно, — одобрила Света. — Мне нравятся честные люди. Папа говорит, что честность — это слабость, но я думаю, он ошибается.

Мы замолчали. На площадке кто-то громко врубил музыку на телефоне — какой-то примитивный бит. Света поморщилась и слезла с качелей.

— Слушай, вечером в клубе будет дискотека. Папа сказал, что зайдет за мной пораньше, но мне нужно там «отметиться». Придешь? Там хоть можно будет в углу посидеть, чтобы нас не трогали.

Я посмотрела на неё. В этой бледной девочке было что-то, что меня притягивало. Спокойствие, за которым пряталось что-то очень холодное и взрослое.

— Приду, — ответила я. — Терять всё равно нечего.

Света кивнула и, не прощаясь, пошла по узкой тропинке. Она шла легко, не оборачиваясь, словно её несло невидимым течением.

Вечер у Бабы Дуси был уютным. Воздух на кухне стоял густой и жаркий. Бабушка достала из печки тяжелые глиняные горшочки, в которых томилось мясо с картошкой в сметанном соусе.

— Ну куда это годится? — ворчала она, накладывая нам огромные порции. — Кожа да кости! Ешьте, а то из дома не выпущу.

Мы с Яной послушно ели, обжигаясь и блаженно жмурясь. Но стоило нам отодвинуть пустые горшочки, как на столе материализовался малиновый пирог и литровая банка холодного клубничного компота.

— И даже не думайте отказываться, — строго пригрозила Баба Дуся. — Сначала компот попробуйте, свой, садовый!

После такого ужина Яна затащила меня в комнату. Она разложила свою косметику, готовясь к выходу.

— Давай, Ди, сиди смирно. Нарисую тебе стрелки. Нужно добавить немного дерзости твоему каре.

Я послушно закрыла глаза. Яна работала сосредоточенно, выводя длинные, острые кончики у моих висков. В зеркале на меня посмотрела незнакомая девушка — резкая, с глазами испуганного зверя, которому нарисовали маску воина.

В этот момент в кармане куртки, висевшей на стуле, что-то коротко дрогнуло. Я потянулась за телефоном. Экран вспыхнул, и я про себя прочитала:

Ник: «Иногда за ангельским ликом скрывается сущность дьявола, но бывают исключения».

Я замерла, вчитываясь в эти слова. «Ангельский лик»... Сразу вспомнилась Света с её прозрачными глазами. Я смотрела на экран, боясь моргнуть.

— Дина? Ты чего? — голос Яны прозвучал совсем рядом.

Я не ответила, продолжая сверлить глазами строчки.

— Эй, прием! Дина, у тебя глаза как два чайных блюдца, ты чего там увидела? — Яна резко протянула руку и выхватила у меня телефон.

— Да пишет тут один... — я тряхнула головой, пытаясь прийти в себя. — Чувак какой-то философские цитаты шлет. Странный.

Я ожидала, что она сейчас начнет читать вслух или расспрашивать, кто такой Ник, но Яна замолчала. Она вертела в руках мой телефон, и её лицо вытягивалось от недоумения.

— Ты про что вообще? — она развернула экран ко мне.

Телефон был выключен. Абсолютно черный, безжизненный кусок пластика. Я нажала на кнопку сбоку — никакой реакции, он сел в ноль.

— Дина, ты на пустой экран смотрела. Хватит уже прикалываться, это не смешно.

Я открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Я же видела буквы. Я видела свет. Внутри всё заледенело, но я просто промолчала, не зная, что сказать. Яна смотрела на меня с явным подозрением, но тему замяли — в дверь громко постучали.

В дом вихрем ворвалась Диана — местная подруга Яны, рыжая, громкая и в короткой кожанке. Она была здесь своего рода заводилой.

— Ну что, девчонки, готовы? — Диана по-хозяйски оглядела нас. — В ДК уже все наши собрались, там пацаны на моциках из соседнего села прилетели!

Яна тут же переключилась на подругу, подхватила сумку и потащила меня к выходу. Я сунула мертвый телефон в карман. Мои пальцы дрожали, а в голове всё еще крутилась фраза про ангельский лик, которую я «прочитала» на выключенном экране.

Мы шли по темной улице, и сухой воздух бабьего лета приятно охлаждал лицо. Диана, чья энергия могла бы запитать небольшую электростанцию, сразу умчалась вперед.

— Эй, копуши! — крикнула она, оборачиваясь на бегу. — Я к своей стае, сейчас приведу их знакомится!

Она растворилась в сумерках, оставив нас с Яной в относительной тишине.

Я шла, глядя под ноги, и старалась зацепиться за что-то привычное.

— Слушай, Яна... — я почесала запястье под рукавом кофты. — Я же Ксюше так расписание и не скинула. И Аня про конспект по латыни спрашивала. Да и мне нужно как-то исправлять двойки по анатомии и латынь поучить.

Надо как-то до интернета добраться, подготовиться может, новые долги отрабатывать, а то я из-за этого отъезда всё завалю. Мы кстати когда назад?

Яна резко остановилась.

— Дина, ты серьезно? Какой колледж? Его на карантин закрыли еще в пятницу утром, ветрянка там. Даже внутрь не пустили, повесили объявление!

И ещё в какой-то вирус новый, говорят пневмонию вызывает, из-за чего точно закрыли пока не знаю, хотели на удаленку перевести, но говорят даже преподы подцепили!

Я же тебе в кафе об этом час талдычила! Ты сидела, кивала. Ты реально не помнишь?

Они даже не сказали толком на сколько, может неделя, может две. Я тебе ещё тогда сказала, что это отличный вариант убежать от семейных проблем для тебя и пропусков не получить, а ты такая: Да, Яна отличная идея!

Я замерла. Внутри всё похолодело. Я помню кафе... кажется. Наверное, я просто была настолько вымотана всем этим домашним адом, что мозг выкинул лишнее. Это просто защитная реакция на стресс. Да, точно. Ничего особенного.

— Ветрянки? — я машинально начала тереть шею. Кожа будто горела. — Да... точно. Просто в голове всё перемешалось. Я же всю ночь не спала.

Яна подошла ближе, её взгляд стал прощупывающим.

— Ты какая-то заторможенная сегодня. Ладно, проехали. — Она помолчала и вдруг спросила: — А мать-то твоя звонила? Ты же говорила, она к другому ушла... Но, Дин, может, они с дядей Толей поругались, а отец уже докрутил? Вдруг она просто у родственников? Ты ей звонила?

Мать. Я поняла, что с того самого дня не вспоминала о ней ни разу. Как будто её не существовало.

Пальцы сами полезли в карман. Мне нужно было включить телефон. Срочно. Увидеть хоть что-то — звонок, сообщение от Ника... Я судорожно нажала на кнопку питания. Раз. Еще раз. Дисплей оставался мертвым.

— Да он же у тебя на подъезде к деревне сдох, — Яна сложила руки на груди. — Ты еще ворчала в автобусе, что музыка вырубилась. Ты что, его так и не зарядила?

В голове что-то оглушительно хрустнуло. В автобусе?

Но я же видела сообщение, когда Яна меня красила. Я видела свет экрана! Клянусь!

Хотя... может, это был блик от света

В комнате было темно, зеркало старое, мутное. Да, скорее всего, мне просто показалось на фоне паники. Наверное задумалась, возможно мысль про ангельское лицо сама мне пришла в голову...

Глупость какая. Просто переутомление.

— Зарядку... я кажется зарядку дома забыла, — выдавила я, пряча дрожащие руки в карманы.

Яна сделала шаг ко мне, понизив голос:

— Дина. Ты что-то от меня скрываешь? От своей подруги? Что вообще с тобой происходит?

Я открыла рот. Воздуха не хватало, а в горле стоял комок. Я хотела сказать, что сама ничего не понимаю, что мир вокруг стал похож на заезженную пластинку, но не успела.

— А вот и они! — Крик Дианы разорвал тяжелый момент.

Она неслась к нам из темноты, а за ней, неспешно и уверенно, шли трое. Мы замерли на полпути к клубу, там, где дорогу освещал единственный выживший фонарь. Он надсадно гудел, мигая желтоватым светом, и в этом дерганом ритме компания казалась почти пугающей.

— Хватит секретничать! — Диана подлетела к нам, покрасневшая и шумная. — Дина, знакомься. Это Витя, это Настя — наша местная звезда. А это Лёха. Лёха, не тупи, поприветствуй гостей!

Яна при этом даже не шелохнулась. Она стояла, засунув руки в карманы куртки, и с легкой, почти покровительственной улыбкой рассматривала парней.

— О, Янка, привет! — Витя первым признал в ней старую знакомую. Его светло-карие глаза маслянисто блеснули. — Снова приехала бабулю проводить? Или по нам соскучилась?

— И тебе не хворать, Витёк, — лениво отозвалась Яна, сверкнув белозубой улыбкой. — Смотрю, ты за лето еще шире в плечах стал.

Витя тут же расплылся в хищной, довольной улыбке. Но прежде чем полностью переключиться на Яну, он всё же остановил взгляд на мне. Его глаза оценивающе скользнули по моей короткой стрижке.

— Ого, — он сделал шаг в мою сторону. — Дианка не врала, что подруга у вас — огонь. Необычная такая.

Я увидела, как Настя, стоявшая чуть позади него, мгновенно напряглась. Её лицо в свете фонаря стало жестким. Она явно не ожидала, что Витя так быстро проявит интерес к «новенькой». Она смирала меня презрительным взглядом — от неровных волос до моих простых черных кроссовок.

— Стрижка — отпад, — процедила она тихим, колючим голосом. — Сама обкарналась или в городе сейчас мода на тифозных?

Я даже не обиделась. Я вообще никак не отреагировала — просто отвела взгляд в сторону темных деревьев. В голове всё еще пульсировало: «В автобусе... он сел в автобусе... но я же видела сообщение...» Пустота внутри была такой огромной, что ядовитые слова Насти просто тонули в ней, не задевая.

Заметив моё полное безразличие, Витя на мгновение осекся. Ему явно не привыкли отказывать во внимании. В этот момент Яна, почувствовав заминку и решив вернуть фокус на себя, громко рассмеялась, поправляя воротник.

— Да ладно тебе, Насть, не пугай народ, — Яна снова шагнула в центр круга, прямо к Вите. — Дина просто с дороги устала, не в духе. Пойдемте уже, а то замерзнем тут.

Витя тут же переключился обратно на Яну. Я увидела, как плечи Насти опустились. Она снова посмотрела на меня, но на этот раз уже без яда. В её взгляде появилось странное понимание: она увидела, что я не претендую на её парня, а настоящая угроза для её спокойствия — это сияющая и уверенная Яна, которая знает, как крутить местными пацанами.

— Привет, — раздался другой голос, спокойный и низкий.

Я подняла голову. Лёха стоял ближе всех ко мне. Широкие плечи, простая ветровка и удивительно чистые глаза. Он не пытался состричь.

— Замерзла? — спросил он, глядя на то, как я вжимаюсь в воротник худы. — Пойдемте быстрее, в клубе теплее.

Я лишь молча кивнула. Мы двинулись дальше по темной улице. Впереди Яна уже вовсю щебетала с Витей, а Диана, нарочито громко вступая в их разговор, пыталась привлечь внимание Лёхи.

— Эй, — Настя пристроилась рядом со мной, когда мы отошли от фонаря. Она достала из кармана сигарету, просто крутя её в пальцах. — Ты не бери в голову то, что я сказала. Витёк просто на всё новое кидается, как сорока на блестящее. А ты... ты будто не здесь вообще.

На короткое мгновение наступила пауза, я думала Настя больше ничего не скажет.

— Волосы кстати сама стригла? — вдруг спросила она, — Кривовато. Но... тебе идет. Лицо открывает, я кстати мечтаю выучиться на парикмахера-колориста. Говорят образ показывает состояние души человека.

Я вздрогнула от этой неожиданной, почти искренней реплики.

Она была первой, кто заметил моё состояние, не пытаясь при этом влезть в душу. И мои волосы на данный момент и правда показывали всю мою неровность души...

Настя замолчала, продолжая вертеть в пальцах незажженную сигарету. Тишина между нами уже не была колючей.

— Слушай, Лёх! — вдруг громко крикнула она вперед, нарушая размеренный шаг компании. — Ты соль-то взял? На печёнки?

Лёша обернулся, замедлив шаг, чтобы мы поравнялись.

— Взял, в кармане, в спичечном коробке, — он похлопал по куртке. — И целое ведро картошки уже с Витьком притащили ещё днём. Всё четко.

Яна, которая до этого увлеченно смеялась над какой-то шуткой Вити, резко затормозила. Она обернулась к нам, недоверчиво выгнув идеально подкрашенную бровь.

— Соль? Для чего вам соль в клубе? И что за «печёнки»? Это какой-то местный обряд посвящения?

Витя довольно осклабился, собственнически приобнимая Яну за плечи.

— Деревенский колорит, Яночка. Ты же с нами в тот год тусила, забыла, что ли? После танцев, когда всё стихнет, поедem на поля. Там картошку в угли кинем, сосисок охотничьих пожарим. С солью, с дымком... Дина, ты как, любишь картошку из костра?

Я кивнула, чувствуя, как от этого обсуждения простой еды и тепла в груди чуть-чуть отпускает.

— Да. Очень.

— Ой, ну я не знаю, — Яна капризно повела плечом, хотя в глазах блеснул интерес. — «Печёнки»... слово не особо запоминающееся. Или у вас каждый год новые слова для палёной картошки? Мы вообще-то с Диной приехали отдыхать, а не в земле ковыряться. Хотя... чур я не режу лук и не собираю дрова! Но сосиски — это тема.

— Какой лук? Мы же её не жарить собрались на сковородке! — влезла Диана. — Ян, ты немного поменялась за то время, чтобы не виделись. У тебя память, что ли, отшибло?

Яна бросила колючий взгляд на Диану и, зачем-то посмотрев на меня, ляпнула:

— Походу, память тут не только у меня отшибает. Видимо, эта деревня входит в список Бермудского треугольника.

Настя открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела. Мы уже подходили к крыльцу ДК. Над входом гудел старый фонарь, выхватывая из темноты облупленные колонны и группу подростков. У одной из колонн я заметила знакомую фигуру.

— О, Света! — Витя приветственно вскинул руку, явно радуясь случаю собрать вокруг себя побольше девчонок. — Ты чего тут одна стоишь? Деда ждешь? А он же умер у тебя.

Мы все, даже Диана, молча уставились на Витю. Видимо, он не сразу понял, что ляпнул, или это была такая тупая шутка, поэтому после неловкой паузы он быстро добавил:

— Давай с нами! Мы завтра... то есть сегодня, после клуба, на печёнки идем!

Света отделилась от колонны. На ней была черная кожаная куртка — мягкая, дорогая, она совсем не походила на ту одежду, которую обычно носили в деревне. Света выглядела в ней как инопланетянка.

Яна резко остановилась. Её взгляд моментально зафиксировался на куртке Светы, а потом переместился на лицо девочки.

— Витя, это еще кто? — в её голосе прорезался яд. — Ты что, всех встречных-попечных в нашу компанию зовешь? Нам тут только детского сада не хватало. Она же малявка совсем, потом проблем не оберemся с её предками.

Настя медленно выдохнула, глядя на Яну с нескрываемым вызовом:

— Да ладно тебе, Яна. Света тут в доме деда Константина живет. Который умер... Хороший был дедушка, кстати. Она его родственница, нормальная девчонка. А ты её старше, года на два, наверное. С чего такой пафос?

Яна вспыхнула. Она развернулась к Насте, и я увидела, как её ноздри гневно раздулись.

— Я тебя вообще не спрашивала, соломенная шляпа! — процедила Яна. — Иди за своими волосами следи, а то они у тебя скоро отвалятся от этой дешевой перекиси. Мы тут с Диной вообще-то гости, и я сама решу, с кем мне сидеть у костра.

Настя сжала кулаки. Воздух между ними буквально заискрил. Но тут Света, сохраняя абсолютное спокойствие, которое подозрительно напоминало холодную уверенность взрослых, достала свой телефон.

— Если вопрос в возрасте... — она открыла галерею. — Вот фото моего заграника. Мне пятнадцать. Это я в Италии этим летом, а вот — виза. Папа часто берет меня в командировки.

Яна подалась вперед, собираясь выдать очередную колкость, но когда её взгляд упал на экран айфона, а потом на фото Светы на фоне Колизея, слова застряли у неё в горле. Она посмотрела на свою куртку, на свой телефон, и я увидела, как её идеальные стрелки дрогнули.

— Мы недавно познакомились со Светой, но, вроде, она приезжала раньше в деревню, когда дед ещё жив был. Я думаю, никаких проблем не будет, — внезапно встала на защиту Светы Диана.

Яна резко повернулась к Диане, не веря, что даже та пошла против неё.

— Идёмте уже внутрь, — Лёша первым толкнул тяжелую дверь ДК, прерывая эту сцену. — А то вы тут друг друга перекусаете раньше, чем заиграет первый медляк.

Тяжелое полотно двери захлопнулось за нами, отсекая октябрьский холод. Нас мгновенно облепило липким, кислым жаром. В нос ударил густой запах пыли, дешевого одеколona и перегара. Музыка из старых колонок не просто играла — она выплевывала басы, которые вибрировали в костях, заставляя внутренности мелко дрожать.

Над пустой сценой бешено моргал самодельный стробоскоп. В его мертвенно-белых вспышках зал казался кадрами из порванной киноплёнки: люди превращались в дерганные тени, то появляясь, то исчезая во тьме.

Яна, всё ещё кипящая после стычки со Светой и моего недовольства, резко выпрямилась. Она мазнула пальцем по уголку губ, проверяя свою кроваво-красную помаду, и с вызовом посмотрела на Витю.

— Пошли танцевать! — крикнула она, перекрывая грохот. — Покажи, как тут у вас «звезды» зажигают!

Витя, хищно ослабившись, схватил её за руку и потащил в центр, прямо под вспышки лампы. Я видела, как Яна вскинула руки, как она начала двигаться — слишком вызывающе для этого обшарпанного места. Она будто пыталась доказать всем, и прежде всего Свете, что она здесь — главная.

— Смотри, — Настя наклонилась к самому моему уху, кивнув в сторону угла. — Будь осторожна.

В тени у сдвинутых столов стояла компания мужиков лет под тридцать. Они не танцевали. Они просто стояли с пластиковыми стаканами в руках, и их взгляды, тяжелые и маслянистые, были прикованы к Яне — к её слишком откровенному танцу, к её красным губам.

Витя, окончательно осмелев от музыки и близости «городской штучки», собственнически притянул Яну к себе за талию. Его ладонь, тяжелая и горячая, бесцеремонно сползла ниже, сминая плотную ткань её модных джинсов. Яна лишь заливисто рассмеялась, запрокинув голову.

— Витя, ну ты и наглец! — она игриво хлопнула его по руке, но сама прижалась к нему плотнее, бросая торжествующий взгляд в сторону.

Она смотрела на Настю.

Настя стояла всего в паре метров. Её челюсти были сжаты так сильно, что на скулах ходили желваки. Я видела, как она смотрит на руку Вити, сжимающую бедро Яны. В этом взгляде была такая густая горечь, что мне стало не по себе. Мне не нужно было знать их исто-

рию, чтобы понять: Настя считает его своим. Или считала до этого момента. То, с какой яростью она сломала сигарету в кулаке, говорило громче любых сплетен.

Света стояла поодаль, словно сторонний наблюдатель. Её лицо оставалось абсолютно непроницаемым. У меня сложилось странное впечатление, что с таким же выражением она когда-то поднималась на Эйфелеву башню, заходила в собор Святого Петра или смотрела, как закатные лучи нежно обнимают столицу моды. Тот же холодный, отстраненный взгляд сейчас был направлен на эту дикую дискотеку в деревенском клубе.

С чего мне вообще эта мысль пришла в голову? Почему эта пятнадцатилетняя девочка такая... такая взрослая? Она говорит, как подросток, выглядит как ребенок, но на её лице — застывшая маска, будто она великий старец, познавший все тайны вселенной.

В этот момент мир вокруг меня вдруг начал замедляться. Мысли оборвались, звуки стали глухими, будто я ушла под толстый слой воды. В этой звенящей пустоте раздался вкрадчивый голос Ника:

«Некоторые люди так сильно хотят, чтобы их заметили, Дина... что привлекают слишком опасное внимание. Смотри внимательно. Это танец на краю пропасти».

Меня пробил озноб. Я хотела закрыть глаза, но стробоскоп бил насквозь. Я видела, как один из мужиков — красномордый, в засаленной кепке — оттолкнулся от стола и двинулся к Яне. Он шел напролом. Подумать о том, откуда в моей голове снова этот голос, я не успела.

— Дина? Тебе плохо? — Лёша попытался коснуться моего локтя. Его пальцы едва задели мою кожу, и по телу будто прошел электрический разряд. Ударил прямо в мозг.

— Не трогай меня! — вскрикнула я, отпрянув. Руки сами потянулись к предплечью — я начала лихорадочно чесать через кофту то место, до которого дотронулся Лёша.

Тот округлил глаза, поспешно поднял руки и сделал шаг назад, что-то проямлив:

— Дина, я... я ничего не хотел тебе сделать.

Чувство стыда не успело прийти, потому что в центре зала началась заварушка. Мужик в кепке уже дошел до цели. Он грубо вклинился между Витей и Яной, отпихивая парня плечом.

— Слышь, малый, дай с кралеи потанцевать, — буркнул он, и его рука мертвой хваткой вцепилась в плечо Яны.

Смех Яны оборвался. Витя, чей авторитет только что растоптали на глазах у всех, рванул мужика на себя, замахиваясь:

— Ты кого малым назвал, боров?!

И тут Яна, окончательно теряя контроль, забежала глазами по залу. Наткнувшись на меня, она взвизгнула, отчаянно протягивая руку:

— Дина! Дина, помоги мне!

Витя не успел даже вскрикнуть. Мужик в кепке, не размахиваясь, коротко и страшно ударил его в челюсть. Звук был такой, будто лопнула сухая доска. Витя отлетел назад, сшибая столик с пластиковыми стаканами, и рухнул на грязный пол, мгновенно обмякнув.

— Витя! — Настя, которая секунду назад скрипела зубами от ревности, сорвалась с места первой. Она упала перед ним на колени, закрывая его своим телом и дико озираясь на мужика в кепке. В её глазах была такая отчаянная преданность, что мне на секунду стало тошно.

Диана, буквально выпрыгнувшая из темноты угла, тут же вцепилась в рукав Лёши, прижимаясь к нему всем телом.

— Лёш, уходим! Пожалуйста, пошли отсюда, тут убьют всех! — запричитала она, пытаясь оттащить его к выходу, но Лёша, бледный как полотно, смотрел только на меня.

Яна, оставшись без защиты Вити, завизжала еще громче, протягивая ко мне трясущуюся руку:

— Дина! Помоги! Диана! Леша!

Я рванулась вперед.

— Дина, нет! Стой! — Света попыталась схватить меня за край худи, но я просто отмахнулась, даже не глядя на неё.

— Я должна ей помочь! Она моя подруга! — выплюнула я.

Краем глаза я заметила, как Света, поняв, что меня не остановить, мгновенно выхватила из кармана телефон. Её лицо в свете стробоскопа было ледяным и сосредоточенным. Она быстро прижала трубку к уху.

— Папа! В клубе! Быстрее! — крикнула она, и в ту же секунду толпа людей, превратившаяся в месиво из локтей и криков, разделила нас.

Я долетела до мужика в кепке в три прыжка. В голове не было ни одной мысли — только ярость. Я начала молотить его кулаками по спине, по плечам, куда доставала.

— Отпусти её! Урод! Не смей её трогать! — орала я, вкладывая в каждый удар всю свою ненависть к Роману, к отцу, ко всей этой несправедливой жизни.

Мужик обернулся, его лицо исказилось от изумления. Он не ожидал, что эта хрупкая девчонка с короткими волосами бросится на него, как цепной пес.

— Ты что, сумасшедшая?! — рявкнул он. — Пошла вон, дура!

Он наотмашь оттолкнул меня. Удар пришелся в плечо, меня закрутило, и я со всего размаху врезалась лопаткой в облупленную бетонную колонну. Боль обожгла спину, вышибая из легких весь воздух. Мир поплыл. Грохот музыки начал превращаться в монотонный гул. Я сползла по колонне, чувствуя, как реальность ускользает.

И тут пришло Солнце.

Огромное, теплое, ослепительно яркое. Оно заполнило всё: и этот вонючий зал, и мою голову. Мне стало так жарко и спокойно, будто я снова маленькая, и никто еще не успел причинить мне боли.

Сквозь этот золотой свет я на секунду приоткрыла глаза. Меня кто-то поднял. Крепко, надежно. Я увидела холодные голубые глаза и длинные черные ресницы. Каштановые пряди волос коснулись моего лба.

Это сон? Это Ник? Но он выглядит по-другому. Или это ангел пришел избавить меня от мучений?

Глава 4

Солнце в тучах

Резкий, ядовитый запах ударил в нос, вышибая слезы. Я дернулась, захлебываясь кашлем, и попыталась оттолкнуть чью-то руку.

— Тише, тише... Очнулась, — голос был женский, грубый и какой-то слишком буднич- ный.

Я с трудом разлепила веки. Потолок — низкий, из тяжелых темных бревен, почернев- ших от времени. В голове гудело так, будто по ней били молотом. Под спиной я чувствовала каждую пружину старого, промятого дивана, который, казалось, помнил еще прошлый век. Но сверху меня укрывало нечто невероятное — белоснежный, пушистый и такой мягкий плед, что кожа невольно впитывала это дорогое тепло. Он пах кедром и чем-то неуловимо изысканным, совершенно не подходящим этому месту.

Я понятия не имела, где я. Последнее, что осталось в памяти — золотые вспышки света в клубе и чьи-то невыносимо крепкие руки.

— Давление восемьдесят на пятьдесят, — проворчала женщина в помятом белом халате, сидевшая рядом на табурете. Фельдшер. — Трупное давление, милая. Ты на чем вообще в этом теле держишься?

Я обвела комнату мутным взглядом. У окна, спиной к нам, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в черном худи и темных брюках. Ткань костюма была такой качественной, что даже в полумраке он казался «дорогим» инородным объектом в этом срубе, пахнущем опил- ками и воском. Он молчал, и его затылок, его неподвижная поза внушали странную тревогу — он казался высеченным из камня.

Рядом крутилась Яна. Она выглядела взвинченной, бледной, постоянно поправляла волосы, но в целом была жива-здоровая. В углу, на старом стуле, замерла Света. Она так и не сняла свою кожанку, и в сумерках избы её лицо казалось почти прозрачным, фарфоровым.

— Ты мне вот что скажи, — фельдшер наклонилась ниже, обдавая меня смесью запахов корвалола и дешевого табака. — Задержки есть? Тошнит? Обмороки такие просто так не слу- чаются. Ты не беременна ли? Такое часто бывает у молодых на ранних сроках.

Меня будто под дых ударили. Воздух застрял в горле комом. В памяти мгновенно вспых- нули руки Романа, его лицо, та комната... Сердце заколотилось о ребра, как пойманная птица, грозя вырваться наружу.

— Чего?! — Яна вдруг выскочила вперед, едва не сбив фельдшера с табурета. — Какая беременность? Вы что, сдурели тут в своей деревне? У неё и парня-то никогда не было! Она со мной из города приехала, дома только отец-алкаш да книжки. Чистая она!

Яна орала так громко, что у меня заболели зубы. Она защищала меня? Или ей было просто невыносимо, что перед этим статусным мужчиной у окна её подругу подозревают в чем-то «грязном»?

— Ну, нет так нет, — проворчала фельдшер, собирая сумку. — Значит, железодефицит махровый. И ест она раз в пятилетку. Какая худеющая... вы её кормите хоть иногда?

Мужчина у окна наконец шевельнулся. Его взгляд — холодный и ясный, как лед — скользнул по мне, на мгновение задержался на моем животе под пушистым пледом, а затем переместился на Яну.

— Я разберусь, — коротко отрезал он. Голос был низкий, властный, от него по коже пробежали мурашки. — Спасибо за помощь, Татьяна Степановна.

Фельдшер поджала губы, бросила на меня сочувствующий взгляд и пошла к выходу. Но у самой двери обернулась:

— Дина, ты если что — приходи в медпункт, не стесняйся. Всякое бывает. Если железо низкое, в городе обязательно сдай анализы. И пятна на теле могут появляться из-за слабого иммунитета. Яночка, передай бабушке, что таблетки её пришли, пусть забирает.

Когда дверь захлопнулась, в комнате стало слишком тихо. Света на стуле вздрогнула.

— Света, снимай куртку, ты в помещении, — мужчина наконец полностью повернулся к нам.

Его лицо было безупречным. Голубые глаза, чуть сдвинутые брови, тонкие черты... Он действительно напоминал дорогую статую из музея. Я одернула себя: «О чем я думаю?». Яна и Света в порядке, значит, я смогла их защитить? Тот мужик в клубе просто толкнул меня... так почему я здесь? И этот плед... Меня нес он?

— Девочки, — обратился к нам мужчина, — меня зовут Марк Сергеевич. Можно просто Марк. Я папа Светы. Она сказала, что у вас беда в клубе. Честно говоря, я не думал, что пережитки девяностых здесь еще живы. Вы напуганы и, скорее всего, голодны. Я приготовлю ужин, а после провожу вас до дома.

Я видела, как у Яны загорелись глаза. Она мгновенно выпрямила спину:

— Очень приятно, Марк... Я Яна, а это Дина. Мы живем тут недалеко, через...

— Я знаю, — оборвал её Марк. — И как вас зовут, и где вы живете.

Яна осеклась, разочарованно глядя на него.

— Мне дочка рассказала, — добавил он и вдруг улыбнулся — тепло, почти по-доброму, но эта улыбка не доходила до его ледяных глаз.

— А-а, Светочка всё рассказала! — тут же заворковала Яна. — Какая молодец. Если бы не вы, я даже не знаю... Дина у нас такая впечатлительная, а ко мне стал подкатывать какой-то гопник...

Я перестала её слушать. В голове, перекрывая голос Яны, возник тихий шепот Ника: «Присмотришься внимательно к тем, кому доверяешь. Самый худший враг — тот, кто когда-то был лучшим другом».

Я вздрогнула. «Светочка». Как быстро Яна переобулась: еще пару часов назад Света была для неё «малолеткой», а теперь стала «Светочкой».

— Я на кухню, а вы пока посидите здесь. Как будет готово — позову, — бросил Марк и вышел из комнаты.

Марк скрылся в кухонной зоне, и из-за перегородки почти сразу послышался уверенный стук ножа о доску и ритмичные щелчки современной варочной панели.

Я попыталась сесть. Промятый диван поддался, пружины под спиной жалобно и недовольно охнули, и меня снова качнуло. Белоснежный плед соскользнул с плеч, обнажая мою дешевую футболку. На фоне этой ослепительной пушистой белизны она казалась мне почти грязной. Я огляделась: а где моя кофта? И Янина безрукавка? Мы остались в одних футболках, лишенные своей привычной «брони».

— Сиди-сиди, — Яна обернулась ко мне, но в её глазах я не увидела искреннего беспокойства — только какой-то лихорадочный, жадный блеск. — Видишь, как нам повезло? Если бы не Светочка и её папа, мы бы там, в этом гадюшнике, так и остались.

Яна произнесла «Светочка» так приторно, что меня передернуло. Света в углу даже не пошевелилась, только плотнее запахла кожанку. Она смотрела в пол, и в этом её молчании было что-то болезненно знакомое. Она не была здесь гостьей, но и хозяйкой не выглядела — скорее, заложницей собственного послушания.

— Помочь? — Яна уже вскочила и заглянула на кухню. — Марк Сергеевич, может, я хоть хлеб нарежу? Или стол накрою?

— Сядь, Оля, — донесся его голос. Спокойный, холодный, не терпящий возражений. — Я привык делать всё сам.

Яна оторопела. Она застыла на месте, открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба.

— Меня Яна зовут... — пролепетала она.

Мне послышалось, как Марк ответил что-то вроде «ясно, не важно», и тут же обратился к дочери:

— Света, принеси гостям воды. И я же сказал: снимай верхнюю одежду в помещении. Почему ты не слушаешься папу?

Света послушно встала. Её движения были механическими, выверенными. Сначала она молча сняла кожанку и унесла её куда-то вглубь дома, а потом подошла к огромному стальному холодильнику. Когда она подавала мне стакан, её пальцы на мгновение коснулись моих. Они были ледяными, как у покойника.

— Спасибо, — прошептала я.

Света лишь коротко кивнула и снова ушла в свою тень.

На кухне что-то зашипело, по комнате поплыл аппетитный запах — яйца, специи, что-то дорогое и совсем не деревенское. Я смотрела на этот интерьер и не могла избавиться от чувства абсурда. Обшарпанные стены дедовского сруба и... Марк. В своем безупречном худи, с точными движениями. Он выглядел здесь как хирург в операционной, которую по ошибке перенесли в сарай.

— Ну и техника у вас! — продолжала щебетать Яна, прислонившись к косяку. Кажется, её ничуть не задело, что её назвали чужим именем. — У бабушки моей плита еще с советских времен, а тут — загляденье. Вы, наверное, часто здесь бываете?

— Редко, — коротко бросил Марк. — Но я не люблю дискомфорт.

Через десять минут он вошел в комнату.

— Пройдемте на кухню, девочки. Дина, верно? — он посмотрел прямо на меня.

Я кивнула, чувствуя, как немеет затылок.

— Давай я тебе помогу дойти? — предложил он. Голос звучал серьезно и одновременно пугающе нежно. — Мы не едим в помещениях, не предназначенных для этого, но для тебя я мог бы сделать исключение.

Он сделал шаг навстречу. Я вздрогнула и неосознанно сильнее прижала к себе пушистый плед, загораживаясь им. Марк остановился, в его взгляде мелькнуло удивление.

— Ты боишься меня? У тебя что-то произошло? Я не наврежу тебе. Светины подруги для меня — тоже как дочери. Разве может отец навредить дочери?

«Что за бред он несет?» — пронеслось в голове. От его слов по спине пробежал холод.

Видимо, странность его поведения заметила не только я. Ко мне суетливо подскочила Яна:

— Дина, я тебе помогу!

Она перехватила меня под руку, помогая подняться с дивана.

— Ты очень хорошая подруга, Инна, — бросил Марк, даже не глядя на неё.

У Яны, кажется, закрипели зубы.

— Я Я-на! — чуть ли не выкрикнула она, но Марк уже развернулся и ушел на кухню.

Мы сели за стол — оплот современной роскоши посреди старой избы. Яна устроилась рядом со мной, Света села напротив. Марк поставил тарелки: сначала Свете, потом Яне. Идеальный омлет с зеленью, золотистые тосты.

Когда он подошел ко мне, я невольно уставилась на его руки. Красивые, с длинными, тонкими пальцами. На безымянном пальце тускло блеснуло обручальное кольцо. Оно казалось лишней деталью в этом образе «холодного бога».

— Ешьте, — скомандовал он. — Дина, тебе особенно нужно. Татьяна Степановна права: ты слишком бледная. Железо в таблетках я тебе не дам, но горячий ужин — это минимум.

Он сел напротив меня, поставив перед собой кружку с чаем. Я опустила голову, глядя в тарелку. Вилка казалась неподъемной. Прошло минут пять, в тишине был слышен только стук вилки Яны. Я заставила себя поднять взгляд.

— А вы? — спросила я.

И тут же наткнулась на его пронзительные голубые глаза. Он смотрел на меня. Всё это время, пока я сидела с опущенной головой, он просто смотрел.

— Я не голоден, — ответил он, не отводя взгляда ни на миллиметр.

Я покосилась на Яну. Она ела с удвоенным аппетитом, причмокивая и похваливая «божественный» вкус. Она уже забыла про мой обморок, про мужика в клубе, про то, как я пыталась её защитить. Для неё сейчас существовал только этот мужчина и его пушистый плед.

— Марк Сергеевич, а вы нас правда проводите? — Яна кокетливо склонила голову. — А то там темно, страшно... Вдруг те гопники еще где-то бродят?

— Провожу, — он едва заметно усмехнулся. — До самого крыльца бабушки Дуси. Я за всё отвечаю, раз уж вы оказались в моем доме.

В его словах «я за всё отвечаю» почудилось что-то зловещее. Не забота, а... право собственности.

Я заставила себя проглотить кусочек омлета. Он был идеальным, но в желудке осел тяжелым камнем. В голове снова всплыл голос Ника: «Присмотрись внимательно к тем, кому доверяешь... Самый худший враг — человек, когда-то бывший твоим лучшим другом».

Я посмотрела на «Светочку», на «Инну-Олю-Яну» и на Марка. В этом доме было слишком много секретов. И Марк, кажется, был их главным хранителем.

После ужина в доме Марка стало еще холоднее, несмотря на работающую всю технику. Он поднялся со своего места и ушел вглубь коридора, к тем самым перегородкам, за которыми скрывались личные вещи.

— Света, принеси ту куртку, которую в Италии купили, — донесся его голос, ровный и властный.

Через минуту Света вернулась, неся в руках тяжелую черную кожанку. Под расстегнутой молнией я заметила густой темный мех. Вещь выглядела новой и запредельно дорогой — такие не носят в деревнях. Марк взял её и обернулся ко мне.

— Надень. Безрукавка тебя не согреет, а кофта твоя вся в пыли. Мы её постираем и вернем. В одной футболке ты опять в обморок упадешь, теперь уже от холода. Эту куртку я купил Свете, но она ей велика.

Я замялась, глядя на роскошный мех. В этом доме я и так чувствовала себя оборванкой, а в этой куртке буду выглядеть еще нелепее.

— Света... тебе не жалко? — тихо спросила я, глядя на девочку.

Света подняла на меня свои прозрачные глаза. В них на секунду промелькнуло что-то живое, какая-то затравленная солидарность.

— Для тебя — нет, — ответила она так тихо, что я едва расслышала.

Яна, уже успевшая схватить свою старую безрукавку, замерла с протянутой рукой. Её лицо на мгновение перекосило от зависти, но она тут же натянула дежурную улыбку.

— Ой, Дина, и правда! Тебе так идет, прямо как влитая! — защebetала она, хотя по её глазам было видно: она готова содрать эту кожу с меня прямо сейчас.

Мы вышли в ночь. Деревня встретила нас глухим лаем собак и густым запахом печного дыма. Марк шел посередине, Света — чуть поодаль, а я — с другой стороны от него. Я чувствовала его присутствие каждым сантиметром кожи, хотя он даже не касался меня.

Яна несколько раз пыталась вклиниться между нами, забегала вперед, что-то весело рассказывала про местную дискотеку, но Марк шел ровным, тяжелым шагом.

— И вот тогда Витя говорит... — начала было Яна, заглядывая ему в лицо.

— Света, не отставай, — перебил её Марк, даже не повернув головы. — И ты, Алла, тоже прибавь шаг. Твоя бабушка, наверное, волнуется.

Яна споткнулась на ровном месте. Её лицо в свете редких фонарей стало багровым.

— Я... Яна я! — прошипела она так, чтобы слышала только я. Но Марк уже ушел вперед. Остаток пути она прошла молча, яростно сжимая в кулаке свою безрукавку.

У крыльца Марк остановился. Он посмотрел на меня так, будто запоминал каждую черточку моего лица в темноте.

— До свидания, девочки. Дина, Яна... заходите обязательно. Нам со Светой бывает одиноко в этом большом доме.

В этот раз он произнес имя Яны четко. Правильно. По её спине прошла судорога — она всё поняла. Интересно, у Марка и правда проблемы с памятью или он специально так издевался? Я даже ухмылки на его лице не видела. Как такой человек вообще может путать имена? Он же явно привык управлять людьми.

Как только дверь за нами захлопнулась, Яна с силой швырнула свою безрукавку в угол сеней. Она не сказала ни слова, просто прошла мимо меня в комнату. Я слышала, как яростно скрипят половицы под её шагами.

Я зашла следом. Внутри всё зудело. Кожа на руках чесалась — то ли от нервов, то ли от того самого «дефицита железа». А в голове набатом бился вопрос: почему я упала? Почему этот Марк смотрит на меня так, будто знает мою самую постыдную тайну? Я скинула кожанку — она всё ещё пахла кедром и чужой, дорогой жизнью — и повалилась на кровать.

Сон пришел мгновенно, тяжелый и душный.

Я снова была на той детской площадке. Старые качели скрипели в пустоте. На скамейке у песочницы сидел парень. Высокий, в знакомой темной кофте. Его лицо было в тени, но меня тянуло к нему с такой силой, что в груди становилось больно. Это была неправильная, пугающая близость.

— Все будет хорошо, Ди, — сказал он, и от этого сокращения моего имени внутри всё перевернулось. — Помнишь эту изъезженную фразу: после ночи всегда рассвет?

Он указал на небо, залитое алым пламенем солнца, которое только-только поднималось над горизонтом.

— Природа всегда прекрасна, — будто прочитав мои мысли, продолжил Ник. — В любом своем проявлении. А значит, мы должны любить жизнь любой, Дина. Это самое ценное, что у нас есть. Нужно уметь вовремя остановиться и не гнать мысли по кругу. Я уверен в тебе. Ты сильная.

— Ты мне помогаешь? — спросила я, делая шаг к нему. — Я тебе нравлюсь?

Парень поднял голову. Рассвет за его спиной стал ослепительно розовым.

— Я тебя люблю, — ответил он. Голос Ника. Спокойный, до боли родной.

— Когда ты это понял? — прошептала я, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы.

— Я знал это... Ещё со своего рождения.

Я хотела подойти ближе, коснуться его руки, но вдруг небо над площадкой начало стремительно чернеть. Розовый свет сменился угольной тьмой. Высотки вокруг начали бесшумно осыпаться внутрь себя, превращаясь в бетонную пыль.

— Дина, — голос Ника стал тихим и каким-то будничным, — у тебя прокладки просрочены.

Я вздрогнула и открыла глаза. В комнате было слишком светло.

— Блять! Сраное сельпо! — орала Яна, стоя над моей кроватью и тряся какой-то пачкой. — Ты видела? Они же просрочены! У них срок годности еще три года назад истек! Как так можно вообще?! Вдруг я заражусь чем-нибудь?

Весь мистический ужас сна разбился об этот нелепый крик. Я села на кровати, чувствуя, как живот скручивает знакомая, противная тянущая боль.

— Бабушка! — орала тем временем Яна, выбегая за порог нашей комнаты. — Нет, ты видела?!

Баба Дуся подошла к ней, вытирая руки о фартук.

— Яна, ну чего ты ругаешь так? Тебе не стыдно?

— Мне стыдно?! — заверещала Яна. — Они нарушают права потребителя! Погоди... ты слышала, как я ругаюсь?

Баба Дуся только вздохнула. Видимо, она давно поняла, что учить уму-разуму внучку — дело бесполезное.

— Яночка, ну что может случиться с твоими прокладками? Мы в ваше время тряпочками пользовались, каждый раз их кипятили, полоскали... Как видишь, живы-здоровы.

— Фу, ну баб! — скривилась Яна, но пачку сжала уже не так яростно.

— Что «фу»? Лучше вставайте и идите есть. Сегодня у нас картофельник.

Яна поплелась за бабушкой, а я, едва дождавшись, пока они уйдут на кухню, стремглав понеслась в туалет, чуть не запнувшись в дверях об Мурку. Кошка недовольно мяукнула и юркнула под лавку. Сердце колотилось где-то в горле.

Чисто. Месячных не было.

Так, я точно помню, что у нас с Яной цикл шел почти день в день. Мы еще шутили: «у настоящих подруг всё синхронно».

Где мой телефон? Там был календарь... Блин, я же его даже не зарядила. Хотя какой толк от зарядки, если телефона просто нет? Я лихорадочно осмотрела кровать, свои вещи и даже карманы кожанки Светы.

Пусто.

Может, он в моей кофте, которая осталась у Марка? Блин! А вдруг они засунут её в стиралку прямо с телефоном?

Я стремглав бросилась в комнату, выудила из сумки первую попавшуюся шмотку — ярко-розовую кофту с капюшоном. Бог мой, о чем я думала, когда собиралась? Откуда она вообще у меня? Но времени выбирать не было.

Я натянула это розовое недоразумение, сверху наспех накинула куртку Светы — решила, что заодно и верну её, — и пулей вылетела из дома. Резко распахнув дверь, я на ходу едва не сбила...

— Лёша? — выдохнула я, застыв на пороге лишь на долю секунды.

Но ноги уже несли меня вперед, и остановиться мгновенно было невозможно. Старое крыльцо, влажное и предательски скользкое от густой утренней росы, не оставило мне ни единого шанса затормозить. Ступни поехали, и я, по инерции вытянув руки вперед, начала заваливаться.

Лёша только успел округлить глаза. Я с размаху впечаталась ладонями ему прямо в грудь, и мы вместе полетели с крыльца вниз, прямо в ворох прелых осенних листьев и мягкую, сырую землю.

Я орала так, будто падала с крыши высотки, а не с трех ступенек. Грохнулись мы знатно, с глухим тяжелым звуком.

— Эй, ты цела? — услышала я голос Лёши сквозь свой затихающий вопль.

— А-а-а-а-а! — продолжала я голосить по привычке, пока до меня не дошло, что мы уже давно никуда не летим, а вполне статично лежим на земле.

Я замолчала и прислушалась к ощущениям. Вроде ничего не болело, только в голове немного гудело. И тут я поняла, что лежу на Лёше. В самом прямом смысле этого слова. Его руки не сжимали меня, они как-то невесомо покоились на моей спине, едва касаясь дорогой кожи куртки. Как только я попыталась подняться, он тут же их убрал, будто я была раскаленной печкой, к которой больно прикасаться.

Я замерла в положении полусидя-полулежа, глядя на него в упор. В голове невольно всплыли руки Романа — его хватка была как тиски, его взгляд — тяжелым и липким. Лёша был полной противоположностью. Он вообще не был похож на монстра. У него было светлое, открытое лицо, голубовато-серые глаза и светлые волосы, в которых запутались сухие листья. Весь он был какой-то... чистый. Настоящий.

— Дина... — тихо сказал Лёша. — Не могла бы ты встать? Я, кажется, головой ушибся...

Он непроизвольно двинул бедрами в мою сторону, пытаясь поудобнее устроиться на земле под моим весом. Я встрепенулась. Сидя на нем верхом, я отчетливо почувствовала через ткань его штанов что-то твердое. В голове на секунду стало пусто. Раздумывать об этом мне сейчас хотелось меньше всего на свете — слишком много физиологии за одно утро.

Только я собралась сползти, как тишину разрезал резкий, противный скрип калитки.

На пороге застыла Диана. Её ярко-рыжие волосы, казавшиеся в утреннем свете почти огненными, развевались на легком ветру. Она смотрела на нас, и её лицо медленно заливалось густой краской — то ли от бешеного гнева, то ли от жгучей обиды. Что это с ней?

Видимо, сейчас мы с Лёшей, почти в обнимку в куче листьев, представляли собой ту еще картинку. Городская девчонка в нелепом розовом капюшоне и местный парень, который, кажется, не слишком-то и спешил меня скидывать, находились в весьма двусмысленной позе прямо у крыльца деревенского дома.

— Ой... — выдавила Диана, и её голос заметно дрогнул. — Я смотрю, городские девчонки времени зря не теряют? Прямо с утра пораньше десант высаживают? Прямо в койку... ой, в листья?

Я почувствовала, как запыхали мои щеки. Но не от стыда, а от абсурдности ситуации.

Я так и продолжала сидеть на Лёше, не в силах пошевелиться от шока и абсурдности ситуации. Его тепло чувствовалось даже через слои одежды, а твердый предмет, или не предмет... упирающийся мне в бедро, больше не казался таким уж абстрактным.

Диана смерила нас уничтожающим взглядом, уперев руки в боки.

— Лёш, ты же еще вчера собирался ей телефон занести, — ядовито процедила она. — Разве нет? Чего тянул-то? Ждал момента, чтобы в кустах повалиться?

Лёша тяжело вздохнул подо мной, но скидывать не спешил.

— Собирался, — ответил он спокойно, глядя на Диану снизу вверх. — Да только меня этот... как там его... короче, отец Светы, даже на порог не пустил. Сказал: «Нечего тут ходить». Станный он какой-то, этот Марк. Дверь перед носом захлопнул.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось от непонимания. Странно. Нас с Яной он пустил, накормил, до дома проводил, хотя мы такие же чужаки. А я, судя по всему, вообще как снег на голову свалилась. Надо, кстати, выяснить у Яны, как я оказалась дома у Марка со Светой. Почему Лёшу выставил? Просто потому что он местный парень? Или у Марка свои причуды насчет гостей мужского пола?

Диана фыркнула. Видимо, ответ её не устроил, или она просто не хотела слышать ничего, что оправдывало бы наше «объятие» на земле. Она резко шагнула ко мне, наклонилась и больно схватила за предплечье.

— Давай я помогу тебе встать, — её голос сочился фальшивой заботой, а пальцы впились в руку, как когти хищной птицы.

Она с силой дернула меня вверх. Мне пришлось подчиниться, чтобы не вывихнуть плечо. Я неуклюже поднялась, наконец освобождая Лёшу. Он тут же сел, морщась и держась одной рукой за затылок, а второй шаря по карманам.

— Диан, ты чего такая бешеная? — спросил он беззлобно, но с искренним недоумением. — Мы просто упали. Крыльцо сырое.

— Бешеная? Я?! — Диана задохнулась от возмущения, но ничего не ответила. Она лишь метнула на меня еще один испепеляющий взгляд и, гордо вздернув подбородок, молча прошла мимо нас прямо в дом, к Яне. Дверь за ней хлопнула так, что с косяка посыпалась сухая краска.

Лёша наконец поднялся на ноги, отряхивая джинсы от налипшей листвы.

— М-да, с характером девчонка, — пробормотал он и протянул мне руку, в которой был зажат мой мобильник. — Держи. Выпал у тебя в клубе, кажется. Я его вчера хотел ещё отдать, но не вышло.

Я схватила телефон, прижимая его к груди как спасательный круг.

— Спасибо, Лёш. Правда. Ты меня спас.

Он улыбнулся — открыто и солнечно, совсем не так, как улыбался Марк. За его спиной, у калитки, я увидела старый, но ухоженный мотоцикл — кажется, «Иж» или «Урал», я в них не разбиралась, но смотрелся он внушительно. Так вот откуда этот рокот во сне.

Лёша надел шлем, но перед тем как уйти, обернулся:

— Дина... приходите сегодня вечером на печёнки. Мы костёр будем жечь на старой остановке, там, за полем. Витёк вроде как в норме, картошку притащит, фольгу... Я буду ждать тебя... — он на секунду запнулся, поймав мой взгляд, а потом быстро поправился: — Ну, то есть, вас с Яной.

Он подмигнул, завел мотоцикл с пол-оборота, и через секунду его уже не было — только сизый дымок таял в утреннем воздухе да слышался удаляющийся рокот мотора.

А я осталась стоять посреди двора с разряженным телефоном в руках. В нелепой розовой кофте и чужой дорогой кожанке, которая теперь пахла не только кедром Марка, но и костром Лёши. Зуд на коже стал невыносимым, но страшнее было другое.

Нужно было срочно зарядить телефон. Мне жизненно необходимо было знать, какой сегодня день моего цикла.

Я влетела в дом, едва не сбив в дверях бабушку Дусю. Она посмотрела на меня как-то странно — не то с осуждением, не то с немым вопросом, — но ничего не сказала, только поджала губы.

Из комнаты доносился залиvistый, чересчур громкий голос Дианы. Она явно не скупилась на краски, пересказывая подробности сцены, которую только что застала на улице. Разумеется, в её версии мы с Лёшей не просто упали, а чуть ли не предавались страсти в куче листьев.

Яне это было не особо интересно — Лёша её не волновал, её мысли были заняты кем-то посolidнее, но бабушка Дуся, видимо, уже успела наслушаться «новостей».

«Что за день? — пронеслось в голове. — Сначала об кошку запнулась, потом об Лёшу... Теперь только не хватало на бабу Дусю с разбега упасть для полного комплекта».

— Поешь иди, горе луковое, — сухо бросила бабушка, кивнув в сторону кухни.

Я прошла к столу, стараясь не шуметь. В комнате за перегородкой Диана продолжала вещать, думая, что бабушка всё еще в коридоре, а я — на улице.

— ...Я тебе говорю, Янка, она прямо верхом на нем сидела! — восторженно-истерично частила Диана, и её голос так и сочился ядом. — Глаза зажмурила, довольная такая! А у него там... ну, сама понимаешь, стояк в штанах такой, что за километр видно! А она сидит как ни в чем не бывало, жопой об него трется. Ты с нимфоманкой, что ли, дружишь? Или сейчас так модно у вас в городе? Мы-то от трендов отстали, видимо, — Диана явно решила заодно подколоть и Яну, намекнув на её историю с Витей.

Я замерла с вилок в руке над сковородкой с картофельником. Внутри всё вспыхнуло от унижения. Яна тут же пошла в оборону:

— Да ну тебя, Дианка. Скажешь тоже. Это ты, видимо, пересмотрела кино для взрослых. Дина и Лёша в кустах... Может, у тебя тоже анемия, как у Дины, вот и чудится всякое?

Теперь уже напряглась я. Нафига она вываливает мои тайны малознакомой Диане? Хотя с другой стороны — тайна ли это? Но вот намеки на «чудится»...

Диана пропустила подкол мимо ушей, видимо, увиденная картина волновала её больше всего на свете.

— Да я сама видела! Ничего не выдумала! Зачем мне врать? А он тоже довольный такой лежит, плетет что-то про телефон, даже руки ей на бедра положил! Представь, наглость какая, прямо у твоего дома! Янка, они так скоро в вашей спальне усядутся!

— Ревнуешь, что ли, этого своего скромнягу? — поддела её Яна. Было понятно, что она слушает вполуха — Лёша её совершенно не интересовал.

Диана начала яростно отнекиваться:

— Что за бред! Я просто пекусь о тебе. Если она такая наглая, скоро и на Витьку глаз положит!

На минуту возникла пауза. Было слышно лишь, как я тихо жую картофельник — кстати, очень вкусный.

— А мне что до вашего Витьки? — лениво отозвалась Яна. — Судя по всему, за ним Наська бегает, она кому угодно глаза выцарапает. Это я уж так, по-дружески с ним вожусь...

Диана замолкла, видимо, не придумав больше аргументов.

— Слушай, Ян, но вот...

Договорить она не успела: я слишком громко стукнула вилок по дну чугунной сковородки.

Через минуту они вышли из комнаты. Диана, увидев меня за столом, мгновенно замолчала. Она смерила меня тяжелым взглядом, будто я у неё мужа увела, и, бросив Яне короткое «Ладно, до вечера», пулей вылетела из дома.

Яна ухмыльнулась и подсела ко мне, беспардонно разглядывая моё лицо.

— Ну ты даешь, подруга. Смотрю, парни тебе прохода не дают. И что они только в тебе находят? — она хмыкнула, подперев щеку рукой. — Ешь давай, а то и правда на скелет похожа. Вечером на костер пойдем, на старую остановку. Я сосисок взяла в сельпо, надеюсь, не просроченные, а то только дристать нам в этом деревенском туалете не хватало.

Я молча ковыряла картофельник, чувствуя, как под кожей снова начинает зудеть.

— Кстати, Дина... — Яна вдруг понизила голос и придвинулась ближе. — У меня месячные начались, на два дня позже срока. А у тебя как? Тоже скоро должны? Или ты и правда себе кого-то там в городе нашла и мне, лучшей подруге, не рассказала? Дианка вон чесала, что вы с Лёшей чуть ли не зажимались под окнами. Это правда? Что он вообще сюда приперся?

Я тяжело вздохнула:

— Правда пришел. Но не за этим.

Яна округлила глаза:

— Что-о-о? Рассказывай! Прямо так сразу?

— Ян, успокойся. Я просто хотела к Свете сбегать, куртку вернуть, да телефон искала. Думала, в кофте забыла, которую у Марка Сергеевича оставила, а оказалось — Лёша его подобрал. Вот и всё.

— В смысле — всё? — Яна явно была разочарована. — А как же ваши обнимашки на траве? Что, Дина, со страстью не справились? Прямо под моим домом! Ну наглеж! — она хихикнула, предвкушая пикантные подробности.

— Не хочу тебя разочаровывать, но я просто поскользнулась, и мы грохнулись с крыльца. В этом положении нас Диана и застукала, выдумав невесть что.

Яна разочарованно поджала губы:

— Блин, ясно. На самом деле — очень на тебя похоже. А я-то думала — хоть что-то интересное! Думала, подруга моя наконец раскрепостилась, повзрослела... Слушай, если цикл сбился — не парься, это от нервов. Из-за отца твоего, из-за всех этих проблем. Если ты,

конечно, не беременна, — она стрельнула в меня глазами. — В общем, не переживай. Возможно, и правда у тебя анемия. Кстати, чего ты там всё чешешься? У тебя аллергия, что ли?

Я в это время уже вовсю чесала ногу прямо через штаны. Да что за дичь? Даже думать страшно, что со мной происходит. Нервы совсем ни к черту.

Проигнорировав вопрос, я задала свой:

— Кстати, Ян... Я тебя чем-то обидела? Ты вчера со мной почти не разговаривала. Может, я на дискотеке что-то не то сделала? Я просто не помню толком, что случилось... Хотела помочь, а вдруг опять всё испортила?

— Да ты чего-о-о! — Яна вдруг засуетилась, глаза её лихорадочно блеснули. — Ты того мужика так отмудохала, что он от болевого шока умер!

— Что?! — у меня вилка выпала из рук. — Правда?!

— Дина, ты совсем? Я шучу! — Яна расхохоталась, но тут же посерьезнела. — На самом деле, помочь пыталась только ты. Настя с Дианой своих «рыцарей» пытались вытащить с поля боя. Кстати, Лёха за тобой кинулся, но Диана чуть ли не повисла на нем: типа, куда лезешь, хочешь, чтобы как Витьке прилетело? Ну, что-то такое, я не особо расслышала. Но когда ты в отключку хлопнулась, мужик этот проворчал: «Тупые малолетки, связываться с вами еще...» — и ушел. А на пороге чуть не сбил... Марка Сергеевича.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Прикинь, Света ему позвонила, и он пришел. Взял тебя на руки, такой спокойный, будто ничего не произошло. Сказал кому-нибудь позвать фельдшера. Витёк, которому по морде прилетело, когда он за меня вступился — ну, классный он, конечно, — Яна мечтательно закатила глаза, — так вот он с этой блондинкой паленой, — у Яны аж зубы скрипнули, — Наськой, пошли за врачом. А я, конечно, за вами потащилась, за тобой и Марком. Так разволновалась, думала, ты померла!

Марк нес меня на руках... Тот самый «ангел» из моего видения. Это был он. Марк Сергеевич. Интересно...

— Ян, ты говорила, у тебя зарядка есть для моего телефона? Он разряжен уже несколько дней. Вдруг отец или... мама звонили? — начала причитать я, не уточняя, что в первую очередь мне нужно проверить календарь цикла.

Яна тут же встрепенулась:

— Да, Дина, что бы ты без меня делала! Вообще в последнее время ведешь себя странно, всё забываешь. Обещай: как в город приедешь, пойдешь к врачу. Я могу даже с тобой сходить.

— К какому врачу? — настороженно спросила я.

— К психиатру.

Увидев мое выражение лица, Яна хихикнула:

— Ну, скорее всего, к терапевту. Фельдшер же сказала, что у тебя может железа не хватать. Таблеточки попьешь, и всё пройдет.

Яна встала из-за стола и ушла в другую комнату. Я задумалась... Вот вроде заботится и помощь предлагает, но тут же шутит и намекает на что-то. Или это я себя накручиваю?

— Вот, держи, — Яна протянула мне блок и шнур, от которого отходило сразу три разных штекера. — Специально купила, перед поездкой, будто чувствовала — может понадобится.

— Ян, спасибо, — я с благоговением взяла эту странную зарядку, надеясь, что один из проводов подойдет. Так и оказалось.

Я побежала ставить телефон на зарядку, опять чуть не запнувшись о невесть откуда вылезшую Мурку.

Я сидела на корточках, прижавшись спиной к прохладной, чуть влажной стене. Телефон, соединенный со «стремной» зарядкой Яны, наконец-то подал признаки жизни. Короткая вибрация, и яркий свет экрана болезненно резанул по глазам.

Первое, что я увидела — уведомление в мессенджере.

Ник: «Ты нашла телефон, Ди? Береги его. В нем — всё, что у нас осталось».

Я невольно улыбнулась. По сердцу разлилось странное тепло. Ник всегда появлялся именно тогда, когда я была на грани. От его слов веяло чем-то до боли знакомым... солнечным светом на старом ковре и заставкой из мультфильмов. Я чувствовала к нему тягу, которая пугала. Это не была страсть, это было нечто более глубокое, «неправильное», будто мы были сделаны из одного теста.

Я не заметила, как за дверью остановилась Яна. Она молча наблюдала за тем, как я с какой-то заторможенной нежностью провожу пальцами по абсолютно черному, выключенному экрану телефона, который еще даже не успел загрузиться.

— Дина? — тихо, с подозрением позвала она. — Ты чего его... гладишь?

Я вздрогнула и отдернула руку. Экран тут же вспыхнул по-настоящему, на этот раз запуская систему.

— Да так... просто... Жду, когда включится, — пробормотала я.

— Ну ладно, — Яна с подозрением уставилась на меня, потом бросила: — Я короче... в общем, вернись скоро, не скучай!

Она куда-то стремительно убежала, оставив меня наедине с гудящим прибором.

Я буквально «залипла» в экран. Первым делом — календарь. Пальцы дрожали, я трижды промахивалась мимо иконки. Наконец — сетка дат. Один день задержки. Два. Три... Четыре. Четыре дня.

Так что там Яна плела про «сбой цикла»? Что это просто нервы и анемия? Да, я похудела. Да, я на грани. Организм просто экономит ресурсы... Должно быть так. Пожалуйста, пусть будет так.

Мне нужно было услышать голос мамы. Я вышла в комнату — ни Яны, ни бабы Дуси. Тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов.

Набрала номер. Бесконечные гудки... Щелчок.

— Аво? — прошепелявил незнакомый, какой-то «смазанный» голос.

— Вы кто? — опешила я. — Я маме звоню. Дайте ей трубку. Я... соскучилась.

— Маме? — Голос задышал тяжелее. — Это теперь мой телефон! Нет никакой мамы.

— Как нет? Кто вы? Пожалуйста, откуда у вас этот номер?

— Я Антон. Мне этот телефон брат подавил. Коля.

Коля? Николай... Это же папин дружок, собутыльник вечный. Внутри всё похолодело. Этот подонок Коля своровал мамин телефон, пока они там с отцом заливали zenки? А потом отдал своему больному брату? Или мой отец сам его отдал за долги или за очередную бутылку?

— Антон, — я старалась говорить спокойно, — а где ваш брат? Где сейчас Коля?

— Брат... он с Толей. У них дела. Не мешай! Приходи в будние дни с 14 до 17 чацов. Я в интернате номер семнадцать, имени Соколова.

Интернат для умственно отсталых. Значит, Коля «сплавил» краденое туда. Я не успела спросить больше — Антон бросил трубку.

Тут же вибрация. Папа. Анатолий.

— Алло, — прошептала я.

— Ты где?! — заорал он так, что я отпрянула. — Деньги мои взяла? Мне срочно нужны, ты слышишь?!

— Пап, какой телефон ты отдал Коле? Это был мамин телефон? — мой голос сорвался на крик. — Ты водишь домой фиг пойми кого, они нас обкрадывают, а ты думаешь на дочь!

— Ты это про кого?! Коля... Рома... Да они замечательные мужики! Свои в доску! Они себе такого не позволяют! Это ты, дрянь, вечно чем-то недовольна!

В этот момент мне захотелось взвыть. Его дочь сломали в соседней комнате, этот ублюдок Рома разрушил мою жизнь, Коля разбазаривает наши вещи, а отец называет их «замечательными мужиками»?

Я замахнулась и со всей силы швырнула телефон об стену. Громкий удар. Аппарат отскочил от стены, экран украсила густая паутина трещин. Я схватила его — он работал, назло всему. Из динамика всё ещё доносился приглушенный мат отца. Я с третьей попытки сбросила вызов. Сенсор почти не слушался, отвечая на касания через раз.

Оставшуюся часть дня я провела в тумане. Слонялась по дому, гладила кошку, чесалась до крови. А что если это не просто нервы? Что если Рома меня чем-то наградил? Какая-нибудь зараза... Мысль об этом не давала мне покоя.

Вернулась Яна. Она прошмыгнула в комнату и через двадцать минут вышла... в обтягивающем платье и на шпильках.

— Всё, хорош! — она бесцеремонно выключила телевизор, где по «ТВ-3» как раз шла «Гадалка». — Дина, я не удивлена, что ты тупишь. От таких сериалов мозг атрофируется. Ты еще «Мужское Женское» посмотри для полной деградации.

— А что смотреть нужно, Ян? — я окинула взглядом её совершенно нелепый наряд. — Научные передачи?

— Конечно! Я вообще раньше «Рен-ТВ» смотрела, про инопланетян! Там хоть факты!

Я замерла. Что она несет? Какие факты на «Рен-ТВ»? Она вырядилась так, будто мы идем на вручение Нобелевской премии. Хотя в её случае — скорее премии Дарвина.

— Яна, ты в этом собралась идти через поле? Там же месиво из грязи после дождя.

— Красота требует жертв! Тебе бы тоже не помешало подкраситься и переодеться. А то как моль бледная.

— Так говоришь, будто мы реально на премию Дарвина идем... — буркнула я.

Яна подкола не поняла.

— Нужно всегда выглядеть на все сто! Мало ли кого встретим.

Я посмотрела на неё. Она — моя единственная подруга. Она вытащила меня из города, из того кошмара. Папе плевать на меня, он звонит, только когда заначка пустеет. А Яна, хоть и невыносимая, но она здесь.

— Давай, одевайся и погнали! — командовала Яна. — За нами Витя и Лёша приехали. Дианка с Настькой-соломенной башкой уже там, костер разводят.

Походу, Яна терпеть не может Настю. Думаю, у них это взаимно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.